М. А. МИХНЕВИЧ

СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО

М. А. МИХНЕВИЧ

СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО

(Семейная хроника финнов-ингерманландцев Лотто)

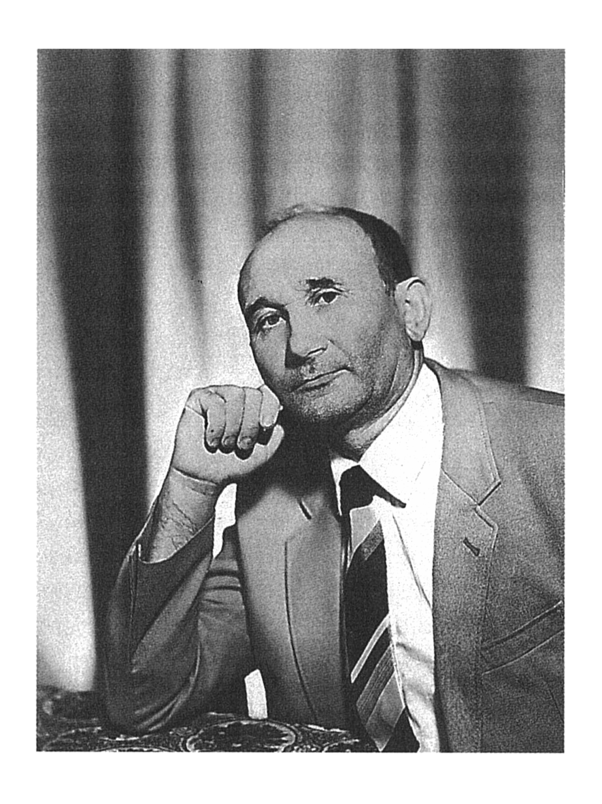
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2002

ББК 84.Р1
М 69

В книге рассказывается о нелегкой судьбе семьи финнов-ингерманландцев Лотто. В годы коммунистического режима ингерманландцы подвергались жестоким репрессиям, ссылкам, насильственному переселению с родных мест. Показана судьба этого небольшого народа в годы Великой Отечественной войны и после нее.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 5-93997-003-6

Автор книги, Мечеслав Антонович Михневич родился в 1939 году в Западной Белоруссии в деревне Кривец Слонимского р-на, Гродненской области. Мать Михневич Михалина Петровна, умерла в 1942 году, оставив на руках мужа, Антона Игнатьевича, троих детей — Тамару, Мечеслава и Веру. Мечеслав прошел суровую, трудовую школу жизни, приобрел ряд рабочих профессий. В 1961 году женился на Ирине (Ирья) Эйновне Лотто, с которой прожил более сорока лет. После выхода на пенсию в 1990 году занялся литературной деятельностью.

Светлой памяти Лотто Айно Андреевны посвящается эта книга.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы мы все чаще возвращаемся в прошлое, вспоминаем все то негативное, что было в нашей жизни, в истории нашей страны, что мы пережили.

Одна из болезненных тем нашей истории — это принудительное переселение малочисленных народностей Советского Союза.

Это так называемые спецпереселенцы.

В периодической печати много пишут о переселении крымских татар, немцев, проживавших на Волге, о чеченцах, об осетинах и других народностях. Но редко упоминают о «переселении» советских финнов-ингерманландцев.

В Ленинградской области были целые деревни, районы, колхозы, населенные в основном финнами. Особенно много финнов жило к югу от Ленинграда: это Ораниенбаумский, Гатчинский и другие районы. Например, такие деревни, как Мартышкино, Дубки, Ямалайзи, сплошь были населены финнами.

Ну, а теперь посмотрим на север от Ленинграда, конкретно — деревня Токсово и ее окрестности. В 1930-х годах в этой деревне были финская школа, финский колхоз «Мурртая» (Борьба), финская (лютеранская) церковь (киркка), а население было в основном финской национальности. Так как в Токсово была церковь, то она притягивала к себе население окружающих деревень — это, например, деревни Койвукуля, Таскумяки, Химаккала и другие.

В одной из деревень, расположенной на притоке реки Стрельна, — Никкорово — издревле жил род ингерманландцев Лотто. Дом Лотто стоял в березах, много было посажено сирени и жасмина. К дому подходил широкий подъезд. До самого палисадника дома, где особенно много было смородины и малины, разрастался ябло-

невый сад. За домом были конюшни и луга. Хозяйство Лоттов отличалось крепостью, они жили хорошо и умели трудиться.

Наш рассказ пойдет о семье Лотто, начиная с деда моей жены — Лотто-Сюльви Ирья Эйновны (или, после замужества, Ирины Эйновны Михневич)*, о судьбе его детей, внуков от второго брака.

От второго брака Андрей Лотто имел троих детей: Тойво Андреевича, Айно Андреевну и Эйно Андреевича — отца моей жены. О них и о ряде других сыновей и дочерей легендарной фамилии Лотто пойдет речь в этой повести.

---

* Далее по тексту Ирина.

ПРИ ЦАРЕ

Лотто Андрей Иванович женат второй раз, так распорядилась сама судьба человеческая. Его первая жена, Мария, имела от него четверых дочерей. Как все живущие вблизи большого города, они продавали разные продукты. Особо носили молоко в город, где у них были свои постоянные клиенты. Теплое парное молоко и молочные продукты приносились непосредственно в квартиры. И так снабжали ненасытный город Санкт-Петербург изо дня в день. И вот однажды Мария в очередной раз понесла молоко по своим знакомым вместе с подружкой Лескеляйнен Эльзой. Они разлили молоко своим покупательницам и уже стали спускаться с четвертого этажа, когда вдруг повалил дым и в доме начался пожар. Коридоры и лестничные клетки были затянуты дымной пеленой. Они плохо знали это здание и повернули по коридору в противоположную от уличной лестницы сторону. Но лестница во двор была загромождена и закрыта запорами. Бедные женщины забились как куры между ящиками и не могли подняться к парадной лестнице, откуда слышались вопли и крики людей. Постепенно дым насыщал лабиринты коридоров, и они, лежа на полу, задохнулись от едкого дыма. Андрей Абрамович похоронил с почестями свою жену Марию. Дочери к тому времени уже все были замужем за местными финнами. Соня вышла замуж в деревню Куттузи за финна Тойко Александра, Мария — за Суни Петра из деревни Кархима, Анна — за Минна Ивана в своей деревне Куттузи, Катри вышла замуж в деревню Кайкилово за Армосея Хемеляйнена. Лотто Андрею в это время было от роду пятьдесят семь лет. Трагедию смерти своей жены он перенес очень болезненно, но дочери помогали как могли. У отца свое хозяйство, у дочерей свое. Нужно ухаживать, кормить скотину, лошадей, коров, пахать землю. Имел он работницу, старую незамужнюю женщину, и работника. Хозяйство содержа-

лось хуже чем при хозяйке. Молоко скисало, много творогу портилось, но все же Лотто Андрей по древнейшему поверью господнему ждал один год после смерти жены своей Марии. В Иванов день отметили память о ней. Ездили в кирку, что стоит в Капорском на большом холме, на чудном месте. Рядом с киркой кладбище, а лесок белый, белый и мягкий, мягкий, как зола или мука пшеничная, без единого камешка. Там сотни крестов кузнечных. Заправлены кресты в камни дикие. Камни разного размера и цвета. Старинное, уникальное, заброшенное ныне кладбище. Там хоронили финнов из прихода киркки (церкви), куда входили окрестные деревни, расположенные в пяти-семи километрах вокруг. Получившие еще в древности свои названия, они до сих пор их не изменили. Деревня Витино получила свое название от викингов, поселившихся здесь в древности, деревни Капорская, Никкузи, Куттузи, Каркузи, Никкорово, Торики с незапамятных времен были заселены финнами.

Андрей Лотто присмотрел себе вдовушку Лену (Хелену), в девичестве Теснека, из деревни Ямолайзи, куда она вышла замуж за Ямолайнена. У нее было два сына, позже уехавших в глубину Финляндии и там проживавших. Муж ее умер из-за болезни почек, застудив их на сенокосе.

Однажды к Лотто заехал на бричке в пару лошадей брат Лены Матвей. Попили чаю, поговорили по разному делу житейскому, и Матвей предложил Андрею прокатиться в его бричке. Кони упитанные, холеные, дрожат от жиру. Только взмахни кнутом, так в галоп и летят, храпя и фырча.

Андрей согласился. Понесли их кони по деревням и проселочным дорогам и вдруг остановились в деревне Ямолайзи у порога дома сестры Матвея, Елены. Матвей высадил Андрея Абрамовича и сказал, что пора зайти попить чайку. Андрей было смутился и стал говорить, что у него не те сапоги одеты. Из дома вышла Лена, смущенно посмотрела на Андрея и с укором на брата. Кивком головы показала, зачем мол привел этого, резко повернулась и ушла в дом, захлопнув за собой дверь. Андрей заметил суровость этой женщины и предложил Матвею покинуть дом, так как сестра сердится, но Матвей знал свое дело. Он не спеша распрягал лошадей. Часто бывая у сестры, он знал все ее хозяйство и ее нрав. Лошадей пустил на луг, так как вокруг дома трава была сочная, и пошел вместе с Андреем в дом. На столе уже был поставлен самовар,

Дом Лотто в деревне Никкорово
(Ломоносовский р-н).

Жители деревни Никкорово.

тарелка с пирогами. Андрей смущенно сел за стол, внимательно следя за движениями Лены, которая собирала еду. Лена знала, что этот человек — хороший хозяин, что у него дочки намного моложе, чем она сама, и несчастье у них обоих одинаковое. Она молодая вдова, а он пожилой вдовец. Но смотрелся хорошо. Седоват, румяное лицо, овальная рыже-белая борода, плечи с аршин, сильный от природы мужчина. Правда подумала, что староват он для нее, да и мужа своего покойного еще не забыла. Между Леной и Андреем разговор не состоялся, так как она ушла во двор. Матвей старался угостить гостя, предлагая попробовать из еды все, что лежало на столе. Чай пили долго, допоздна. Летней белой ночью они сидели и вели беседу между собой. Матвей настаивал на разговоре между Леной и Андреем, но Лена хлопотала в хлеву с коровами. Был теплый вечер, слышался гудок парохода. В Стрельне на заливе был причал торговых угольных пароходов, и их хриплые гудки слышались далеко от стрельнинского причала. Выйдя из дома, оба друга постояли на лугу, где паслись лошади, которые так аппетитно ели траву, что шум и фырканье звучали в вечерней тишине, будто два паровозика поднимались в гору, пыхтя и сопя. Разговор затянулся. Этому способствовали теплый вечер и светлые северные ночи. Андрей попросил Матвея отвезти его обратно в Никкорово. Запрягли лошадей в бричку и снова в путь. Матвей почему-то поехал другой дорогой, не той, что ехали сюда. Бричка летела, лошади неслись по лесной дороге. Внезапно они заржали, почувствовав табун лошадей немцев-колонистов. Действительно, в Стрельне, на окраине, было большое селение немцев-колонистов. Они жили колонией в Горбунках, где сейчас стрельнинская птицефабрика. У них были прекрасные земли и луга, рядом текла речушка Стрелка, а вдоль по оврагу немецкое селение, с кладбищем и киркой. При проезде через немецкую деревню друзьям встретился обоз из Петербурга. Ехали очистители туалетов города, которых видимо-невидимо было по всем дворам. Немцы-колонисты вывозили нечистоты на свои поля и огороды. Вывоз, по требованию властей, всегда проводился ночью. Финны почему-то жили недружно с немцами-колонистами, поскольку в душе ревновали, что земля здесь принадлежала немцам, не финам. К тому же немцы были лучшими хозяевами, чем финны. Они выращивали на этих землях овес и клевер. И огородниками они были лучшими.

Ингерманландцами финны называли себя потому, что, по преданиям, шведская принцесса Ингери вышла замуж за финна. И так хорошо она управляла землями вокруг Финского залива, где разместились в большинстве финские и шведские селения, что и земли эти стали называть Ингерманландией, или земли Ингери. Финны и сейчас чтут эти места вокруг Санкт-Петербурга, и это не вымысел, а в самом деле исторически — это финские земли.

Андрей с Матвеем вспомнили своих родственников, живших вокруг большого города. Быстро выехали на большую дорогу, которая пересекалась с Волхонским шоссе. Волхонское шоссе — такое прямое, без единого поворота — шло от Детского Села (в настоящее время город Пушкин) до Петродворца (сейчас Новый Петергоф). Пересекли Волхонку, и Матвей направил лошадей на дорогу, шедшую от Петродворца на Санкт-Петербург, в сторону Автова, Шереметьевских прудов и Шереметьевского дворца, на так называемую Форель. Лошади быстро домчали до развилки дороги под названием Привал. На бугре стояла корчма (трактир) и постоялый двор, где можно было самому перекусить и купить для лошадей сена или овса.

В Санкт-Петербург тянулись тысячи подвод, поскольку основным видом транспорта являлась лошадь и подвода, как у крестьян, так и у военных. Матвей остановил лошадей и предложил Андрею зайти, но Андрей не согласился идти в какую-то забегаловку. Это заведение было на перекрестке между Гатчинской и Петергофской дорогами. Рядом железнодорожные станции Лигово, Горелово. Тогда Матвей предложил Андрею подержать лошадей, а сам пошел посмотреть. Корчма представляла собой большую деревянную избу на каменном фундаменте, с подвалом под овощи и винным погребом. Рядом много навесов и сараев, где хранилось сено и овес для лошадей. Ночь была светлая и теплая. Шумела пьяная толпа мужиков разных мастей и национальностей. Из Пскова белокурые парни, похожи на финнов, финны из окрестных деревень и немцы-колонисты. Финны всегда старались сделать что-нибудь нехорошее немцам: то гайку у телеги с колеса отвернуть, то супонь на хомуте разрезать, и поэтому между ними была постоянная вражда, при встрече ругань, брань и грубость. Андрей, держа лошадей, слушал шум и крики. Вскоре пришел Матвей. Почти прибежал к телеге и сообщил Андрею, что там пьяные финны с немцами шумят и что там муж его старшей дочери Юхо (Иван) Минна. Андрей был на-

божный человек, водки не пил за что был уважаем всеми. Он вошел в корчму, резко приказал Юхо отправляться домой и быстро вышел на улицу. Никогда в голову не приходило Юхо, что в такой поздний час тесть его появится в корчме и увидит, как он там куролесит. Юхо вез с армейских конюшен конский навоз, и на дворе стояла его телега. Он выскочил из пивной, прыгнул к телеге, рванул лошадь за повод и погнал ее, крича и ругаясь. По пути сбросил навоз на дорогу, и пустой воз галопом помчался по мостовой, звеня колесами о каменную брусчатку. Тесть тоже укатил с приятелем на бричке. Юхо пригнал лошадь всю в мыле, дрожащую от быстрого бега, забежал в дом, накричал на жену, схватил ружье и, выбежав на улицу, застрелил лошадь. Жена и дети, испугавшись, побежали к Андрею и с плачем и воплями, глотая слезы, рассказали о случившемся. Андрей не мог поверить, что такое могло случиться, ругал себя за то, что одернул дурака в пивной. Всю ночь не спала эта семья, так как Юхо струсил и дома не остался, а пошел к знакомому Ратте Юхо, забрался в баню и лежал там, размышляя о своих делах. Рассветало, стало прохладно, и крупная роса насытила траву и деревья. Андрей собрал своих соседей, рассказал о случившемся с его зятем, и все решили позвать старосту деревни Наппу Илью Петровича. В деревне новости разносятся быстро, и вскоре все жители как на массовое гулянье пришли посмотреть на случившееся. Хозяйка дома была так расстроена, что не могла подоить коров. Животные чувствовали запах крови, доносившийся с улицы, страшно ревели и мычали. На улице вели разговор женщины. Мужчины больше молчали и курили махорку. Чтобы подоить и выгнать скотину на пастбище, нужно было оттащить лошадь. Мужики, привязав веревку за задние ноги, пытались ее тащить, но туша не двигалась. Староста деревни велел взять другую лошадь и волоком оттянуть от сарая. Сосед Юхо пригнал свою лошадь под хомутом. Но она стала ржать, становиться на дыбы и фырчать. Усмирив лошадку, зацепили тушу и оттащили от дверей хлева. Стали выгонять коров и телок из хлева, но скотина обнюхивала каждый клочок земли, еще пахнувшей кровью. Хотя кровь убрали и засыпали песком и землей, все же коровы взбесились и начали громко мычать. Еле отогнали друг от друга животных. Коров отогнали на пастбище, а мертвую лошадку нужно было утянуть на большой песчаник и там предать земле. Матикайнен Юхо пригнал фуру. Мужики с трудом погрузили на

телегу тушу лошади через покатые подставки из досок. Запряженная лошадь заржала и резко принялась тянуть тяжесть на телеге. Глаза лошади искрились и горели как яхонты, и слезы текли по морде, как будто разумное животное чувствовало и понимало, что произошло. Закопав убитую лошадь, соседи мужики вернулись домой и разошлись по своим дворам. Самого Юхо Минна нигде не было и никто не знал, где он есть. А он отлеживался в бане в деревне Малое Никкорово у Рятте Юхо. Только днем он сумел позвать к себе хозяйку дома Марию. Часто бывал Юхо у них дома, просил питьевой соды, так как страдал желудком, табачку-махорочки покурить, ибо Иван Рятте за сараем сажал табак и имел свое курево не покупая и не прося у соседей и знакомых. Мария сказала мужу, что у них в бане Юхо Минна и просит закурить. Рассудительный и спокойный по натуре финн Рятте взял кисет, спички и пошел в баню молча. Ни слова не говоря, подал соседу кисет с табаком, сам скрутил себе цыгарку и закурил. Но Минна почему-то при встрече с Рятте не мог себе сделать цыгарку, дрожали руки, а глаза налились слезами. Он попросил потянуть цигарку у Рятте. Тот дал ему, Юхо затянулся несколько раз и молча, ни слова не говоря, лег опять на скамейку и только попросил Рятте не уходить. Так молча они просидели до самого вечера. Мария забеспокоилась и пошла их звать на чай. Но в ответ никто не проронил ни слова. Спустя некоторое время сам Рятте повторил приглашение жены на чай. Но Юхо отмахнулся и только попросил оставить ему кисет с табаком. Рятте пошел домой, и за чаем, обсудив с женой создавшееся положение, решили сказать жене Минна, что ее мужик у них в бане. Мария сходила к жене Юхо и рассказала, что тот очень переживает, не хочет даже чаю и только курит махорку.

Жена Минна была женщиной крупного телосложения, белая, с красивым розовым лицом, мать шестерых детей: трех девочек (Айно, Людмила, Хелена) и трех мальчиков (Петька-Пекко, Эйно и младшего Вилье). Позже, Анна, жена Минна Юхо, долго жила в Финляндии со старшей не замужней дочерью Хеленой, Пекко в Швеции имел двух дочерей, а Эйно стал советским офицером и переводчиком на Карельском фронте под Сертоловом и Олонцом. Под Петрозаводском, во время финской войны, финны давали большое вознаграждение за его голову, так как он говорил в селектор по радио на финском языке, обращаясь к финским солдатам, чтобы те не сопротивлялись ввиду неизбежной гибели. Впоследствии

дослужился до майора и работал в Перми в военкомате. В 1961 году переехал в Ленинград, где работал в Красносельском горсовете начальником гражданской обороны. Вилье был мобилизован в Финляндии в финско-немецкую армию, за что после войны сидел в советских лагерях и тюрьмах. Потом работал в Кондопоге на бумажном комбинате рабочим. Две сестры — Айно и Людмила — тоже жили в Кондопоге.

Анна пошла в баню, сдерживая себя, чтобы не плакать, и стала уговаривать Юхо вернуться домой. Что случилось, того не вернешь, а дети одни дома, плачут и боятся. Юхо не ожидал такого поворота и, не чувствуя ног, пошагал за женой. Неделю тосковал и не показывался на улицу к людям. Все стало забываться. Андрей Лотто купил своей дочери в городе, на Сенном рынке, лошадь и привел к ним во двор. Так потихонечку сгладилась боль семейная, а сам Андрей все больше вспоминал о сестре Матвея и все больше хотел, чтобы она вышла за него замуж. Дома у Лотто были два работника, мужчина и женщина, тоже финны, и помогали ему за кусок хлеба. Они были не женаты, уже пожилые и жили одной семьей. Андрей решил один навестить хутор Елены. Долго готовился к этому событию. В городе купил красивый платок и золотое колечко, накануне намылся в бане, подстригся, начистил сапоги новые, надел костюм, запряг свой шарабан и двинулся к невесте. Дело было к вечеру. Лена взволнованно встретила Андрея и проронила только, что брата нет и он у себя дома в Мартышкино, под Ораниенбаумом, но Андрей скромно ответил, что он приехал к ней просить ее, чтобы она согласилась выйти за него замуж, и протянул ей маленький пакет в подарок. Лена пакет не взяла. Он положил пакет на стол в кухне и, не зная, что говорить, молча смотрел на Лену, а она молча смотрела на него. Андрей крякнул себе под нос и, стушевавшись, вышел на улицу, дошел до калитки, снял шапку, поклонился дому. Ему показалось, что он увидел в окне силуэт Елены в сарафане и фартуке.

Лене стало жалко этого человека. Она почувствовала в душе что-то теплое к нему. Может, я и обидела его, подумала она, но пусть не лезет не в свои сани, сама разберусь, что мне делать и за кого выходить замуж. Увидела на столе сверток, взяла его и развернула. Это был большой цветной, из тонкой шерсти платок. Она подняла его и услышала, как что-то упало к ее ногам. В кухне было темновато, но Лена быстро нашла золотой перстень и, не задумы-

ваясь, сразу надела его на палец. Кольцо оказалось точно по размеру. Она вздрогнула, может, не ей предназначалось это кольцо. Хотела снять, но колечко сидело туго. Лена задрожала и, превозмогая боль в пальце, стащила колечко, положила на стол, где лежал платок. Лена села на скамью у стола и молча с безразличием стала смотреть то на платок, то на колечко. Уже смеркалось. Во дворе пастух пригнал коров и овец. Услышав крик скотины, Лена как будто проснулась, быстро схватила платок и перстень, скрутила в комок и запрятала в сундук, где хранила лучшие свои вещи. Вышла на улицу, взяла ведро и пошла доить коров. Пальцы не слушались, стучало сердце, разные мысли лезли в голову, а в глазах стоял Андрее со снятой шапкой, отбивавшей поклоны в сторону ее дома. Подоила коров, процедила молоко, покормила пастуха. Самой есть не хотелось. Улеглась за печкой, но сон не шел, мысли сверлили голову, как кузнечики в траве цокотали. Настало утро, и снова заботы и хлопоты домашние, но Андрей не выходил из головы. Он хоть и стар, но красив, с голубыми глазами, высокий, стройный с приятной бородой. Борода особо шла ему, и стал он бороду носить, как похоронил свою жену Марию. На неделе приехал брат Матвей. Он ничего не знал о друге, который навестил его сестру, а так же не знал о том, что Минна Иван застрелил свою лошадь в ту ночь, когда они его видели на Привале в корчме. Лена ни словом не обмолвилась с братом о подарке Андрея. Сам Матвей был старостой в Мартышкино и входил в общество рыбаков Финского залива, где они артелью ловили рыбу и продавали в рыбных рядах на улице Шкапина, у Обводного канала в Санкт-Петербурге. Матвей недолго побыл у сестры и снова уехал в Мартышкино. Дни бежали быстро, в труде и заботах повседневных. Человеческие заботы — это и грех, и отпущение, и покаяние, и успокоение души.

Лена снова и снова рассматривала платок и колечко, вспоминала свои прошедшие годы, когда ее 17-летнюю девчонку родители отдали за богатого финна Ямолайнена. И этот хутор в три дома зовется Ямалайзи зажиточной по тем временам фамилии. Она не знала, почему для мужа еда готовилась отдельно от всех. Он был красивый, рослый, но с очень бледным, больным лицом. Добрый и ласковый, никогда не ругался с ней, да и ругаться было некогда. Хозяйство, коровы, овцы, свиньи, полевые работы не давали времени на разные размышления и рассуждения. От Ямолайнена Лена родила двух сыновей, которые выросли и затем учились в городе

Турку, в Финляндии, у родного дяди. Там семья Ямолайнен имела хорошие земли и швейную мастерскую. С сыновьями она встречалась редко, только когда их привезут к маме, и то им здесь было скучно. Сами сыновья потихоньку забывали о маме, ибо мало слышали ее голос. Молодость, к сожалению, не дает сознания, что жизнь дарит мама.

В километре от нее жили старики покойного мужа и его старший брат. Жили зажиточно, держали работников, которые вели хозяйство и работали дома по двору и в поле. Земли здесь были суглинистые и давали большие урожаи. Тоннами отвозили в лавки большого города Санкт-Петербурга морковь, также молочные продукты: молоко, творог, масло. Очень много продавали скороспелой картошки, гороха, овса. И что бы ни привезли крестьяне, все можно было реализовать в купеческих лавках. Не нужно было терять время и нервы, продашь или нет, кто был расчетлив и сообразителен в том что нужно городу, тот успешно торговал и имел доход. Старики жили хорошо. Полно было всяких продуктов и работников кормили хорошо, за что те работали честно от зари до зари.

Размышляя об этом, Лена вспомнила про Андрея. Хороший он человек, но в возрасте. И что он именно ко мне пристал — разве мало баб в наших деревнях, вот пусть там и ищет себе, а я ему не пара. Разложила свои мысли по полочкам и решила, что утром, когда рабочие повезут в город продавать овощи, она с ними поедет и по дороге отдаст подарок самому Андрею. Утром повезли продавать картошку и морковь, а одна подвода везла молочное — сметану, творог, масло. Еще с вечера она сказала рабочему Армосу Саволайнену, что поедет с ним в город. Как только выехали из хутора она сказала ехать в деревню Никкорово, что под Аннино. Армос заволновался, стал говорить, что это большой круг и что он всегда едет лесной дорогой на Стрельну. Но Лена еще раз сказала, что ей нужно и чтобы он поменьше разговаривал. Армос Сарволайнен понял, что хозяйке что-то нужно, так как она никогда не ездила с ним, да и ни с кем из работников. Молочные продукты возили на облегченной повозке-двуколке, или иначе двухколесной бричке с облучком, и она же использовалась как выездная прогулочная тележка. Двуколка катилась быстро, только мелькали поля и межи, пастбища, частные земли и сенокосные луга. Быстро проехали деревни Рюмми (Румки), Никкузи, тут же рядом Аннино и с горочки

спустились вниз, где с левой стороны бежала речушка Кикинга, которая впадала в речку Стрельна. На этой левой стороне была усадьба Андрея Лотто. Хорошая каменно-бутовая конюшня, два дома: старый и новый, соединенные между собой, банька на берегу речки, березовая аллея до самого дома, сад, много сирени вокруг дома, а перед окнами жасмин. Усадьба ухоженная и в отличие от хутора Юмолайнена была обсажена плодовыми деревьями. По правую сторону раскинулись отрытые луга, и в сторону Красного Села на этом просторе были разбросаны летние лагеря солдат Преображенского и Семеновского полков. Здесь казармы солдат, конюшни и море военных лошадей, пасущихся на этих лугах. Луга тянулись до Копорской высоты, и крестьяне использовали конский навоз на своих полях.

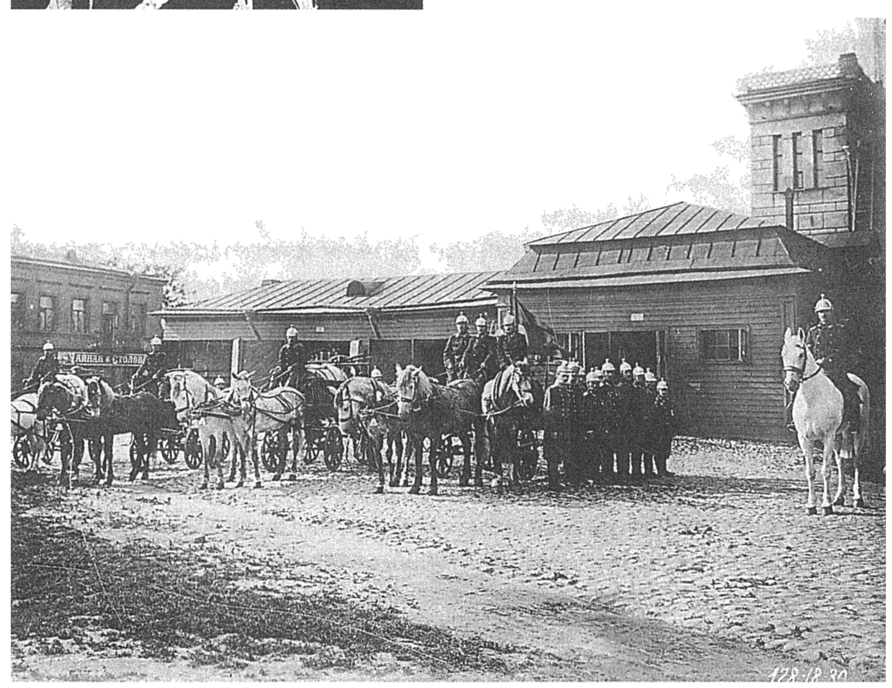
Лена попросила Армоса остановить лошадь здесь, у этих берез, а сама спрыгнула с брички с маленькой корзиночкой в руке и пошла в сторону дома по березовой аллее. Войдя в палисадник, повернула в дверь веранды нового дома, но веранда была закрыта и Лена развернулась и пошла к старому дому. Там между домом и конюшней что-то делал сам Андрей. Андрей, заслышав шаги, поднял голову, и их глаза встретились. "Терве", — поздоровалась по-фински, "терве", — ответил Андрей. Она открыла корзиночку и, достав оттуда пакет, что дарил ей Андрей, быстро сунула ему в руки, после чего стремительно развернулась и вприпрыжку побежала к оставленной двуколке где ее ждал Армос. "Гони," — по-фински сказала она, и Армос погнал Армос лошадей в деревню Торики, в сторону поселка Горелово, а там уже повернули налево, в сторону города. У Лены в Горелово жила родня по фамилии Олонен, но она нигде не останавливалась. Пересекли Волхонское шоссе, дорогу на Старо-Паново, Привал-корчму, а там Форель, Шереметьевские пруды и дворцы с балконами, откуда можно было осматривать окрестности города.

Граф Шереметьев содержал пожарные артели для тушения пожаров, оснащенные насосами-качалками на телегах под лошадиную тягу. Пожарными у Шереметьева служили в основном финны из окрестных деревень.

Проехали Нарвские ворота и въехали в Санкт-Петербург. Лена раскрепостилась, сбросила с души ношу, которая ее угнетала все это время. Город поднял ей настроение. Армос отвез в Красносельский переулок к богатым купцам сметану и творог. Недалеко

Граф А. Д. Шереметьев, основатель пожарной команды в Ульянке.

Пожарная команда графа А. Д. Шереметьева в Ульянке, состоявшая в основном из финнов-ингерманландцев.

Елисеевский магазин, красивые дома и арки между домами со львами, ангелами и орлами. Везде едут кареты, гуляют барышни и городская публика, разношерстная и одетая по-разному: шляпки, фраки, цилиндры. Тяжелые грузы везут ломовые лошади, мелькают двухколесные кареты с ямщиками и извозчиками, слышится и русская, и французская, и финская речь.

Лена походила по лавкам, накупила себе сладостей, пряников, сушек с маком, пару осьмушек чая. Покупать больше желания не было, но в одном месте Лена увидела красивый ситец в ромашках полевых, а кое-где василек меж ромашками. Этот ситец навеял смутное воспоминание и желание купить себе ткань на кофту. А продавец кричал: "Купите товар, у дяди Якова товару всякого, холсты-тесемки пруд пруди, народ честной ко мне иди, покупай веселей — монету лей не жалей". Такая приманка голосистого продавца заставила купить понравившийся ей ситец с ромашками. Все покупки Лена сложила в корзинку и, пока укладывала, снова вспомнила, что некоторое время тому назад в этой корзинке лежал платок и колечко, которые, по-видимому, Андрей Лотто тоже купил где-то тут. Она пошла к своему работнику. Армос курил махорку и разглядывал прохожих, и у него был вид довольного человека, так как город ему нравился. Лошадка застоялась на месте и сама бегом покатила тележку. Пролетели снова мимо Нарвских ворот и тут же развилка Привала. Поехали уже своей дорогой на Стрельну, Петергоф, Петродворец и к обеду были дома. Лена быстро переоделась, быстро управилась с дойкой коров и пошла отдохнуть в свою спальню, где ее снова одолели мысли и воспоминания.

Утром приехал брат Матвей, кони его паслись совместно с конями Юмолайненов. В этом году Юмолайнены накосили много сена и клевера на зиму, и Матвей попросил сестру дать ему пару возов клевера. Она разрешила, и работник Армос отвез клевер в Мартышкино. Хотя и у самого Матвея было много сена, но почему-то ему захотелось взять у сестры.

Старший сын Юмолайнена уехал к родному дяде в Финляндию, где росли и воспитывались два сына Лены после смерти ее мужа. И вот старший Юмолайнен привез на побывку сыновей Лены, своих племянников. Одному из них он был крестным отцом. Лена очень обрадовалась, что детей видит и может позаботиться о них, посмотреть на них. Парни были уже подростками, очень шаловливыми и шустрыми, старший Пекко и младший Вилье. Старики любили

и жалели этих ребят, потому что они росли без отца. Но жена старшего Ямолайнена, Катри, не любила этих детей, так как видела в них наследников, которые вырастут и заберут много земли и хозяйства. Она также и Лену не любила и всегда ехидно и с упреком дразнила ее, наговаривая на нее свекру и своему мужу. Даже пугала, что Лена приведет какого-нибудь мужика и присвоит земли и хозяйство. Старики обычно одергивали ее. Но в это утро представился повод из-за двух возов клевера, которые увез в Мартышкино Матвей. Старший Ямолайнен пришел к Лене с упреками, зачем она отдала клевер. Между ними завязалась громкая перебранка. Это все слушали сыновья Лены и ловили каждое слово, сказанное в обиду матери. Старший Ямолайнен кричал, что ты все раздашь, что в этом доме ничего твоего нет и наследство не получишь ни ты, ни твои басурманы-шалуны. "Как же так,— возмутилась Лена — я столько лет работаю с утра до ночи, вожусь со скотиной, по дому все делаю и я этом доме я никто. Сами же просили меня идти замуж за своего брата, а сейчас что говорите на меня, а сыновья мои в чем виноваты, разве я их в лесу нашла. Ведь это ваши – Ямолайнены". После этого разговора дети, как козлята, прижались к матери. Дядя ушел, мама плакала. Они не могли видеть ее слез и просили ее не плакать, а ехать с ними в Финляндию, в город Турку. Там хорошо, дядя хороший и много озер. Тяжелый осадок остался у Лены от разговора с братом мужа, и она переменила свои мысли к Андрею.

Прошло две недели, и ребят снова надо было отвезти в Финляндию. За эти две недели ребята не ходили к дедушке с бабушкой, а были с мамой и перестали шалить и смеяться. Дедушка с бабушкой заметили это и поняли, что Катри, жена старшего сына, навела ссору между ними и Леной. Старики решили сами навестить своих внуков и принести горячих пирогов на хутор к своей невестке. Лена выглядела очень подавленной и расстроенной, озабоченной о своей судьбе: после смерти мужа работала как лошадь, а стала вовсе чужой. Однако поставила старикам чай, творог, сметану, посадила за стол детей и присела сама. Старики любовались на внуков. Лена при разговоре изредка смахивала платочком слезу со щеки. Сыновья этого никогда и нигде не видели, тем более свою мать, плачущую уже несколько дней. Детская душа настолько ранимая, что они целыми днями не гуляли на улице, а лежали на сеновале в хлеву, куда мать приходила и зва-

ла их кушать и попить парного молока. Она всячески старалась им угодить, и купленные пряники — пригодились. Дети с удовольствием уплетали их с молоком, и ей от этого становилось радостнее на душе.

Пришла пора отправлять сыновей обратно в Турку. Из Санкт-Петербурга в Финляндию шел кораблик, и дядя снова повез племянников. После отъезда сыновей Лена никак не могла успокоиться и слезы сами собой катились из глаз. Она ни с кем не разговаривала, молча работала по дому, и, казалось, потихоньку все улеглось. Надвигалась осень, и с полей убрали овес, ячмень. Осталось только собрать картошку и землю перепахать под осень, чтобы перегнили сорняки и в готовую почву весной снова сеять овес, ячмень и сажать картошку.

Матвей снова приехал к сестре и уговорил ее прокатиться в его шарабане в две лошади, которые красиво тащили бричку, как пушинку. На следующий день должен быть праздник Ильин день, а на Копорской высоте, в сторону Ропши, стояла киркка (церковь) рядом с деревней Яльгелево. Лена согласилась прокатиться с братом. Уже давно было после обеда, когда Матвей повернул лошадей к деревне Торики по лесной дороге. Между лесами были крестьянские поля, и там же была полоска Андрея Лотто. Как раз в это время он пахал там землю и поставил лошадей отдохнуть, а сам стал молиться и просить Бога отдать ему женщину, которая вернула его подарки. С того времени он очень был расстроен и недоумевал, почему она вернула обратно подаренные вещи. Матвей заметил за кустами на полянке лошадей Андрея и попросил сестру придержать лошадей, а сам тихонечко пошел к Андрею. Андрей стоял на коленях в сторону солнца на запад. "Что делаешь?" — окликнул его Матвей. "Не мешай, я с Богом разговариваю и спрашиваю его, почему твоя сестра не хочет идти за меня замуж. Вот и прошу Бога, может, на этом святом месте он услышит меня". Все происходило в непосредственной близости к кустам, за которыми Матвей оставил свою сестру, и весь разговор между братом и Андреем был ею хорошо услышан. Матвей не знал того, что Андрей приходил просить Лену идти за него замуж, и предложил сам поговорить с сестрой, тем более что ему очень хотелось, чтобы Андрей и Лена были вместе. "Ты откуда и куда едешь?" — спросил Андрей. Матвей ответил, что хочет переночевать у сестры, а завтра намерен с ней вместе поехать в киркку, что в Копорском завтра праздник

Ильи-Пророка и много людей будет в церкви, так, может, и Андрей приедет. “Я обязательно буду”, — ответил Андрей. Матвей, уже отходя, сообщил ему, что лошади его недалеко за кустами и Лена держит их, а сам он увидел его и решил остановиться и сообщить о завтрашней поездке в церковь. Туда приедут пасторы Гатчинский и Дудергофский, может, кого венчать будут. Матвей ушел к повозке, и они уехали, а Андрей остался один в поле, еще пару раз прошел плугом по пашне, но пахать не хотелось. Думал о завтрашнем дне, как там будет и сколько народу приедет в кирку. Бросил пахать и поехал домой. Лошадей пустил на луг пастись, а сам пошел домой, но дома не сиделось. Вышел на улицу и присел на скамейку, что стояла рядом с большим кустом сирени. Было тихо, тепло и можно было подумать о завтрашнем дне. Приготовил бричку двухколесную, решив, что запряжет в нее завтра серого в яблоках коня Серкко, который пять лет ходил в жеребцах, был рослый и строго держал голову с быстрыми темно-синими глазами. Себе наладил кафтан, начистил сапоги до блеска, приготовил картуз-шапку, белую рубаху и стал выглядеть как купец и настоящий хозяин. Очень хотелось, чтобы завтрашний день наступил поскорее, хотелось знать, что там сказал Матвей сестре и чем это поможет ему в делах с Еленой, которая вернула подарок, возможно, из-за ссоры с братом покойного мужа.

Матвей, как и обещал, заночевал у сестры и вечером, перед сном, долго-долго убеждал ее идти замуж за Лотто. “Он хороший хозяин и человек. Я его знаю всю свою жизнь, и в его доме тебе никто не сможет сказать что-либо плохое”. Уже перед сном Лена сказала: “Да, может, ты и прав, брат, и я подумаю, что мне делать”.

С рассветом стали собираться в церковь. Лена надела платье в белый горошек на синем фоне, взяла кофточку на случай, если похолодает, обула модные в то время сапожки, изящно выделанные и с большим количеством дырочек для шнурков с бубенчиками. Оглядела себя в зеркало и решила, что платье ей к лицу и сегодня она необыкновенно хороша.

К десяти часам на этот церковный праздник приехало очень много народу. Копорская церковь, построенная на высоком песчаном холме, где песок особенно белый и мягкий, как мука, была обнесена бутовым забором, обсаженным большим количеством кустов сирени и березами. Ниже церкви располагалось финское клад-

бище. На каждой могиле был положен дикий камень с врубленным в него крестом, ручной, кузнечной работы. Кресты были разные и узоры орнаментов на них различались, показывая искусную работу кузнецов того времени. Много было надгробных плит и памятников из камня разных оттенков: розовых, черно-фиолетовых, сине-черных, серых.

Церковный приход объединял очень много финских поселений в округе: Ропшу, Красное Село, Дудергоф, Шундорово, Гатчину, Волосово, Русско-Высоцкое. Во время службы в церкви невозможно было общаться с родственниками и знакомыми, но по окончании, когда прихожане медленно выходили на улицу и шли к своим повозкам, можно было узнать все новости, поговорить с близкими из соседних деревень, рассказать кто что видел, что слышал. Постепенно народ стал разъезжаться по домам. Андрею очень хотелось увидеть Лену, и он остановился вблизи церковных дверей, поджидая Матвея с сестрой. Лена вышла гордая, красивая и направилась прямо к своему шарабану, где брат уже успел убрать торбы с сеном для лошадей и готовился уезжать, поглядывая в сторону повозки Андрея. Андрей развернул своего серого и направился вниз, чтобы проехать полевой дорогой в сторону большой деревни Иннолово, до Аннино, и оттуда проехать домой. Серый красиво и гордо побежал вниз, не чувствуя повозки. Матвей увидел это и тоже направил свою пару вниз, вслед за Андреем. Немного придерживая серого, Андрей следил за парой матвеевских лошадей и, поскольку в этом направлении поехало много других повозок, то он отъехал довольно далеко от пары Матвея. Лошади шли в галоп, Лена кричала брату, чтобы тот придержал лошадей, но Матвей у себя в Мартышкино, вдобавок ко всем заботам, был в пожарной команде ездовым и ему часто приходилось гнать лошадей с пожарной качалкой на телеге, так что быстрая езда его не пугала. Кони неслись как сумасшедшие и до хутора Ямолайзи оставалось не более двух километров, когда кони Матвея обогнали повозку Андрея. Как только это произошло, Матвей придержал лошадей и, победно оглядываясь, стал поджидать Андрея, но конь Андрея, разгоряченный быстрой скачкой и запахом других лошадей, захрапел и, грызя удила, поднялся на дыбы. Андрею, с трудом, натягивая вожжи и голосом, удалось его успокоить, и только после этого он снял шапку и поприветствовал Лену, которая боком сидела в повозке брата. Матвей криком привлек внимание Андрея к себе и

громко стал звать с собой в гости на пироги. Андрею очень хотелось, чтобы Лена сама пригласила его, но она промолчала, однако и не высказала своего неудовольствия по поводу приглашения. После этого уже спокойно поехали на хутор Ямолайненов. Остановились на хуторе, и Матвей стал распрягать лошадей, предложив то же самое сделать и Андрею, но Андрей стал отнекиваться и говорить, что у него дома много дел. Тогда Матвей предложил сестре пригласить друга в дом на чай и пироги. Лена, смущаясь, скромно повернула голову и сама предложила пройти в дом и отобедать. После этого Андрей молча, лишь кивком головы согласился и только попросил Матвея поставить своего серого в конюшню, иначе убежит домой. Очень понравилось Лене, что конь, как и хозяин, привязан к своему дому. Матвей пустил коней в поле, серого поставили в конюшню, пока мылись у бани из рукомойника, Лена вынесла полотенца. Пошли в дом. На столе уже ожидали самовар, чашки к чаю, пирожки с капустой, нарезанные сладкие пироги с вареньем. За чаем говорили о церкви, кто кого видел, с кем поговорил и кто что слышал. Шел спокойный разговор. Лена сидела за столом и, постоянно подливая чаю брату и гостю, сидевшим по обеим сторонам стола, внимательно вглядывалась в гостя и иногда улыбалась. Андрей пил чай и хвалил пироги. Когда все новости были обсуждены и все пироги попробованы, мужчины вышли из-за стола на улицу и стали прогуливаться вокруг дома. Видимо, все это увидела жена старшего брата Ямолайненов и решила пройти тропкой мимо сарая, где стояли мужчины, чтобы поздороваться с ними. Катри пошла к старикам мужа, жившим недалеко от хутора, ей было интересно узнать, зачем приехали мужчины к ним в дом, ведь она прекрасно знала, что Лотто вдовец, красив собой, и неужели ее невестка явилась поводом этой встречи. Тем временем Андрей запряг своего серого и, так и не решив ничего, уехал к себе.

Но с того времени Катри сильно взволновала эта встреча. Невестка — вдова и может найти себе какого-нибудь мужчину, и тогда будет их, Ямолайненов, хозяйству раздел. А так мы сами хозяева, семья. И пошла она на обдуманную хитрость. Стала чаще заходить посудачить с Леной, так как ей очень хотелось знать, будет ли Лотто ее мужем, а если так, значит, ему ничего не нужно, поскольку у него свое хозяйство и работники есть свои. Дети Лены растут в Финляндии и вряд ли вернутся жить на хутор. Значит, надо вся-

чески влиять на невестку и одобрять выбор, потому что Андрей очень хороший человек, земли его обработаны и дают прекрасные урожаи, двор, конюшня и все хозяйство налажены, удобный хутор на речушке Кикинги, ягодные кусты и яблони, которых ни у кого нет. Саду уже около двадцати лет, и работник ухаживает за садом и кустами сирени и акации. Люди смотрят на сад Лотто с большим восхищением, так как у многих таких садов нет.

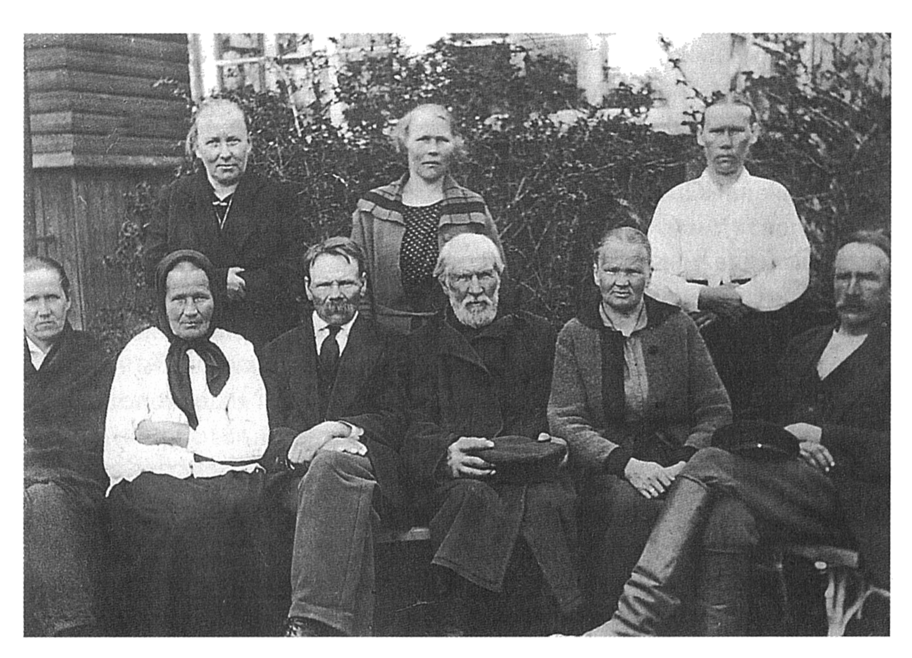
После прошедших праздников Лена заскучала. Ежедневная работа с коровами, молоком и по домашним делам не отвлекала ее от мыслей о своей жизни. Пришла осень, начались заморозки и темные осенние вечера. Убрали с полей картошку, коровы и лошади стояли в хлеву. По хозяйству управлялись с фонарем "летучая мышь", который заправляли керосином, купленным в городе, а в доме использовались керосиновые лампы с высокими стеклянными колбами. В конце концов Лена не выдержала и рассказала брату о том, что летом приезжал Андрей и привез ей в подарок платочек и обручальное кольцо и что она сама поехала к нему домой и отдала подарки обратно. Матвей был ужасно возмущен и расстроен, почему она раньше ему ничего не рассказала.

"Зачем так крепко обидела человека за его добро к тебе. Он даже Бога просит в поле, чтобы ты вышла замуж за него, с Богом разговаривает в любом месте: в поле, на конюшне, в доме — и все о тебе думает, а ты, видишь ли, гордячка и никого тебе не надо. Ну и работай на Юмолайненов, которые потом скажут, что ты здесь никто и дети твои, их племянники, у дяди в Финляндии, а ты здесь домработница и все" Лена расплакалась и сказала, что и сама знает как о ней думает Катри. "Они меня летом так ругали за два воза клевера для тебя, кричали на меня как на работницу. После смерти мужа они невзлюбили меня и детей отняли якобы на учебу в Финляндию". Матвей стал утешать сестру: "Ты еще молодая, будут дети и от Андрея Лотто, он ведь любит тебя, это сразу видно, а ты будь с ним повнимательней и поласковей. Ты сестра моя, и я хочу, чтобы все было хорошо у тебя. Я сам поговорю с Андреем и помогу ему и тебе в этом деле".

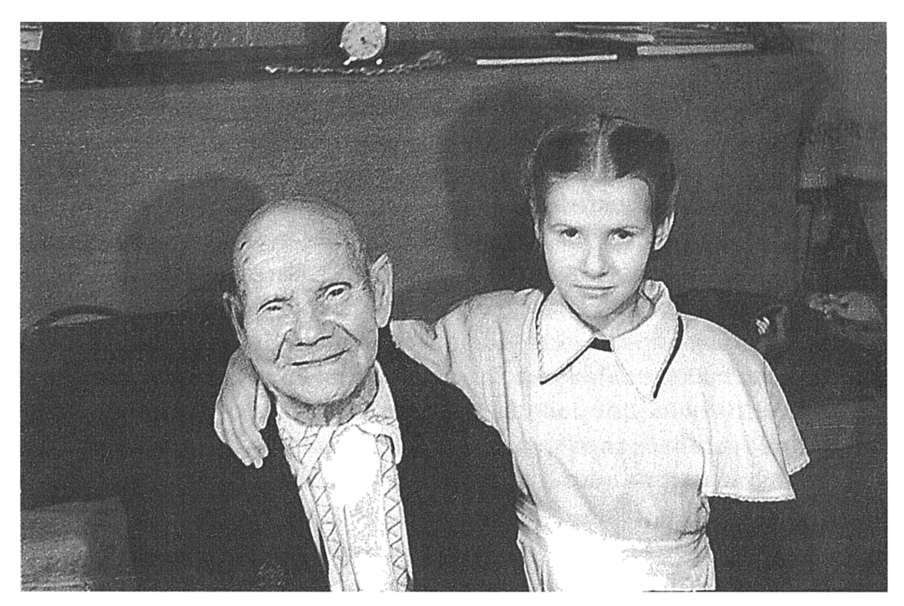
Шли рождественские праздники, когда Матвей сам приехал к Андрею домой. Только сели за стол, как приехала старшая дочь Андрея и зять Александр Тойко из соседней деревни Куттузи, куда она вышла замуж. У них уже был маленький Матвей (будущий профессор по органической химии Петрозаводского университета).

Тогда Матвей и сообщил Андрею, что он поговорил с сестрой и та решила идти за него замуж. У Андрея загорелись глаза, заблестели. Матвей решил уехать, оставив друга на попечение его дочери, зятя с внучком, обещая заехать попозже. На обратной дороге заехал к сестре и сообщил ей о своей встрече с Андреем. На счастье разговор получился. Тем более что жена брата покойного мужа, Катри Ямолайнен, всяческими словами донимала Лену за то, что она якобы плохо ведет хозяйство, что заболела корова, будто напоенная холодной водой и из-за этого выкинувшая теленка, и еще всякими придирками. Все эти ссоры и подтолкнули Лену побыстрее решить вопрос о замужестве.

После этих событий Матвей зачастил с наездами то к сестре, то к Андрею, что не осталось незамеченным дочерью Андрея, и Андрею ничего не оставалась, как сообщить ей о приближающихся изменениях в его жизни. Дочь поняла слова отца, поскольку знала вдову Ямолайнен: "Да, папа, бери хозяйку, и самому будет легче, а то нам, дочкам, помогать тебе времени нет, своих дел много, я не против".

Андрей Абрамович Лотто с женой Хеленой (сидят в центре) и братом жены Матвеем (слева от Андрея).

Теснека Матвей (брат Хелены Лотто) с внучкой Марьяной.

За пять дней до рождественских праздников Матвей приехал к Андрею и предложил сейчас же поехать и забрать Елену к себе. Две подводы двинулись на хутор Ямолайнен. Лена тем временем собрала свои пожитки, только одежку и сундук с приданым. Все было готово к отъезду. Позвали стариков бывшего мужа, его старшего брата и жену Катри. Сам Лотто сказал, что он берет себе хозяйку по ее согласию. Семейство Ямолайнен выглядело растерянным, но никто не высказал какого-либо сожаления. Лена сама сказала о своем отъезде, и поскольку ей от них ничего не нужно, то она заберет только то, что принесла в дом в виде приданого: два гектара земли, что купила у деревни Томика, и две коровы, которых она сама привела из своего дома, когда выходила замуж. Быстро перенесли пожитки на телегу и поехали в деревню Никкорово.

Мало дней до Рождества, но надо было успеть повенчаться в церкви, так как это было условием Лены. Все обустроив, Матвей уехал к себе в Мартышкино, сказав, что приедет к ним на Рождество. Лена принялась как хозяйка хлопотать по дому. Пекла пироги, варила холодец, делала салаты, послала Андрея в город купить сыра, селедки, муки, пряников и печенья, чая, керосина и много чего другого. Все заказанное молодой женой было доставлено в

дом Лотто перед самым Рождеством. Андрей съездил в санках на своем сером к дочерям и сообщил им о венчании в Копорской церкви с Леной Ямолайнен. Дочери одобрили его поступок, и на двадцать пятое декабря все родственники прибыли в дом Лотто. Было весело и тепло, пахло пирогами. К полудню после рождественской службы должно было состояться венчание. Вот к дому приехал Матвей в красивых сапогах с каблучками. Хомут лошади был обвешан бубенцами-колокольчиками. Кругом веселье и радость. В этом году снегу столько, что с крыш сараев можно было запросто кататься как с горки. Дорога до Копорской церкви была заснежена, лошади вязли по брюхо в снегу, но все благополучно добрались до церкви. Пастор повенчал Андрея с Леной, благословил их, и они стали мужем и женой. Домой вернулись с радостным праздником, пили чай, закусывали пирогами и веселились.

А в семье Ямолайнен с этого времени начались несчастья. Катри ругала работников за плохую работу по хозяйству, сквернила мужа за плохой присмотр за работниками. Старики Ямолайнен за эту зиму совсем захворали и умерли один за другим с разницей в несколько месяцев, уж слишком близко они принимали к сердцу все семейные неурядицы.

Шла зима. Лена стала полной хозяйкой лоттовского дома. Вела дела разумно и расчетливо. Ей здесь все нравилось. Когда пришла весна, распустились деревья, стало зелено и тепло, над рекой Кикингой в ивовых и черемушных кустарниках запели соловьи так, что сердце радовалось. Здесь на лугу, радуя глаза хозяев, паслись их лошади и коровы. Еще зимой, где-то в марте, Лена объявила мужу о своей беременности, на что он очень обрадовался и стал относиться к ней с еще большим вниманием. В душе надеялся, что даст им Бог сына. Ведь от первой жены у него были три дочери, а у дочерей внуки мальчики, у одной Суло, у другой Пекка, у третьей Матвей. Внуки есть, а сына наследника фамилии Лотто не было, так как внуки по отцам носили разные фамилии: Матвей Тойко, Суло Суни, Пекка Минна. Андрей вновь, как прежде, просил у Бога сына.

Весна прошла быстро. Только посеяли овес, посадили картошку, а тут уже и Иванов день. Летний сенокос — ответственное время года для заготовки сена на зиму. Частые дожди не давали просушить сено, но Иванов день в этих местах признавался большим

праздником и много народу съезжалось на него в Дудергофскую церковь (в наши дни Можайск). Дудергофские родниковые озера, самая высокая гора вблизи Санкт-Петербурга, Воронья, а рядом с ней Ореховая, действительно сплошь покрытая кустами орешника, привлекали в дни праздника большое количество народа. На этих горах изумительно много росло ландышей, до неба сосны корабельные. Но во время войны много сосен было вырублено немцами, в начале на дрова, а потом на шпалы для рельсовой дороги по которой они затащили на Воронью гору огромную пушку "Дора" для обстрела осажденного города. Правда, эта пушка быстро была повреждена в результате бомбежки Вороньей горы с воздуха. Еще такая же пушка была установлена немцами на Сапун-горе в Севастополе, называлась "Карл" и тоже была уничтожена. Так вот эти места славились красивыми возвышенностями и просторными низменностями, хорошо просматриваемыми с гор Дудергофа. Церковь была поставлена на горе, в деревне Ретселя, и с этой горы видны красивейшие пейзажи на все четыре стороны. В сторону Тайцы—Пудость равнины лугов и полей, в сторону Детского Села — г. Пушкин и Пулковские высоты, где построена обсерватория, в сторону Горелово—Стрельна красивейший вид на Санкт-Петербург, и в ясную погоду хорошо просматривается невооруженным взглядом Исаакиевский собор и Петропавловская крепость. Сюда и приехали Андрей с женой на праздник Иванов день посмотреть с высоты на окрестности ингерманланд-ских земель, земель своих предков. Они прослушали службу в церкви, походили по горам. Вечерело и пора было ехать домой, хоть вечера белых ночей теплые и светлые, кругом зелено, поля засеяны ячменем, овсом, викой, горохом — всем, что требуется в крестьянской жизни и что потом надо убрать, скосить и насушить на зиму. Обратно ехали через Красное Село в деревню Куттузи и оттуда с горы спустились вниз к деревне Малое Никкорово и домой, к своей усадьбе, довольные своей поездкой. Наутро стал моросить дождик, но начался сенокос и надо косить клевер, да и другие домашние работы не могли быть отложены. Так незаметно в заботах и трудах пролетело лето. С началом осени копка картошки, посев ржи под зиму, перепашка земли и другие крестьянские работы полностью занимали их свободное время. Лена заметно поправилась. Беременность протекала нормально, и оставалась пара месяцев до появления нового человека в семье Лотто. В заботах Лена разговаривала сама с

Андрей Абрамович Лотто с женой Хеленой и сыном Тойво.

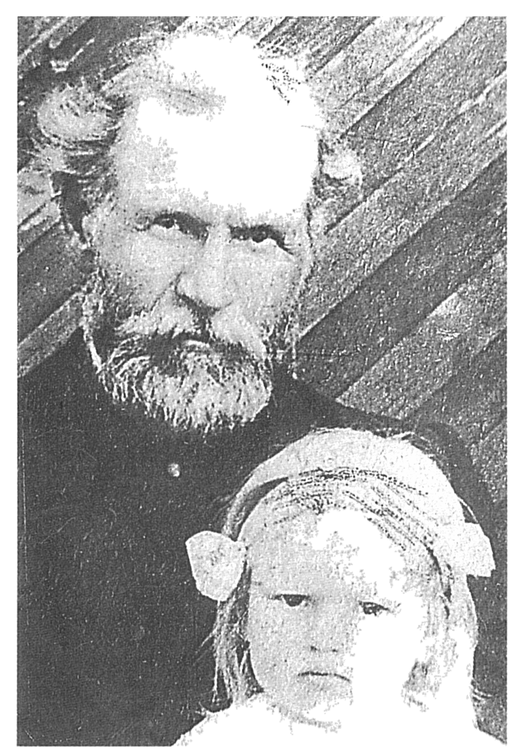
собой и с ребенком, что носила под сердцем, и пыталась угадать, кого им послал Бог. Об этом же думал и Андрей.

И вот пришел тот день, когда нужно было рожать. Произошло все ночью, когда служанка-работница разбудила Андрея и попросила его срочно ехать за бабкой в Аннино. Андрей, не чувствуя ног, мигом запряг серого и с работником Армосом, перешедшим на работу к нему от Ямалайненов, помчался за повитухой. Привезли бабку. Та быстро разобралась с роженицей, а хозяину приказала в бане накипятить воды и в дом не входить, поскольку роды — это не мужское дело. Часа через два сама открыла дверь бани и сообщила сидевшим мужикам на финском, что родился "пойко, вармо пойко", что по-русски означало мальчик, хороший мальчик. От радости Андрей заплакал, слезы сами бежали и бежали из глаз, и сердце билось как сумасшедшее.

Малыш рос красивым, крепким мальчиком, хозяйство процветало, земли обрабатывались и давали хорошие урожаи. Дети от первого мужа росли в Финляндии, и всю материнскую нежность Лена расходовала на маленького Тойво. С любовью рассматривала его и пыталась угадать на кого он будет больше похож. В роду Теснека, ее девичья фамилия, все были в незначительных веснушках на лице и на руках и с возрастом веснушки на лице проходили, а на руках оставались, и цвет волос был темно-коричневый. А в роду Лотто преимущественно беловолосые, румяные, с крупными

лицами, как подсолнечник в цвету.

Сыновья Лены должны были приехать на Рождество к матери. В свое время им было сообщено о замужестве и о рождении братика Тойво. Андрей сам привез их в санках из Санкт-Петербурга в деревню. И они с удивлением разглядывали своего маленького брата, как он перебирал ножками, сосал пальчики, иногда начинал плакать и при появление матери успокаивался.

Лотто Андрей Абрамович с дочерью Айно. 1912 г.

Время шло своим чередом. Крестьянская жизнь в постоянных заботах и труде. Незаметно пролетели три года. Лена родила дочь, которую назвали Айно. Андрей радостно смотрел на жену, как она хорошела после рождения каждого ребенка. Матвей навещал сестру и помогал им по сенокосу и уборке картофеля. Приезжал на своих лошадях и возил картошку в погреб. Андрей настолько был трудолюбив, что жене приходилось чуть ли не силком заставлять его хоть иногда отдыхать. Заметила она, что он начал седеть и новые морщинки появились на лице, однако оставался по-прежнему силен и крепок во всех делах жизни. Дочку решили крестить в церкви, где сами венчались. Чуть раньше у Матвея родилась тоже дочка, и ее назвали таким же именем Айно, (она через много лет будет учительницей музыки в Петрозаводске. А пока растут две девочки двоюродные сестренки, у которых одинаковое имя Айно).

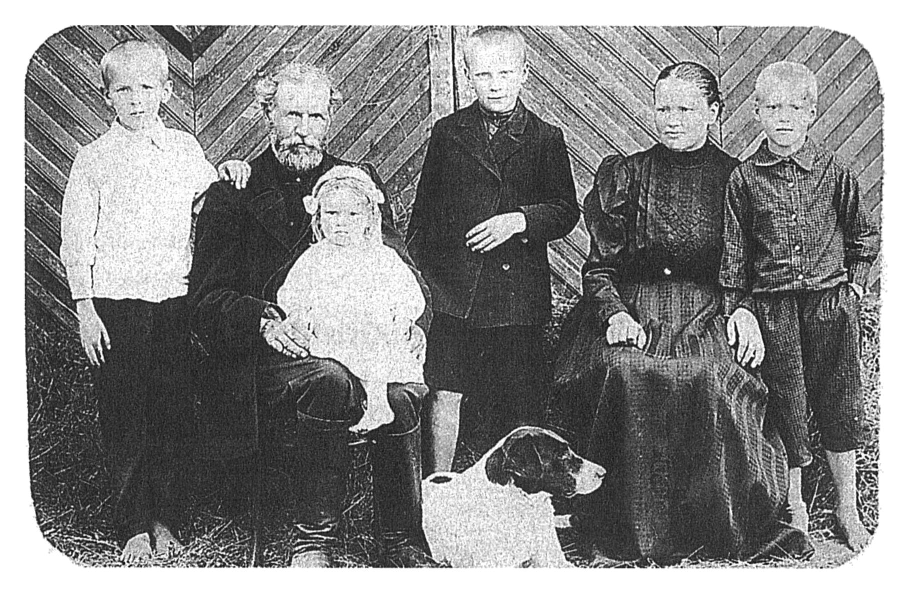
Через два с половиной года, 7 мая 1912 года, у Лотто родился еще один мальчик, которого назвали Эйно. Мальчик родился худенький беленький, волосиков на голове совсем не было, носик

Андрей Абрамович Лотто с женой Хеленой,
дочерью Айно и сыном Тойво.

остренький и широкие ноздри. А отец доволен, что ему рожают детей одного за другим и тем более два сына. Задуманное имя Эйно нужно быстро окрестить, собрать гостей на его крестины с обеих сторон, пригласить дочерей от первого брака.

Эйно Андреевича крестили в Копорской церкви, а крестным отцом был муж дочери, Петр Адамович, у которого родился тоже сын, Суло (впоследствии прошедший тюрьмы и сибир-ские лагеря). Крестины прошли хорошо и дружно, все приехали на повозках, было очень весело, много пели и танцевали. Женщины, одетые в нарядные платья и фартуки, с платками-косынками и в туфельках, были одна другой красивее. Андрей, по случаю крестин, забил быка годовалого, хозяйка Лена напекла много пирогов с печенкой. Желавшие танцевать брались за руки и, покачиваясь,

Андрей Абрамович Лотто с женой Хеленой, с дочерью Айно (на коленях у отца).

то в одну, то в другую сторону, водили хоровод и пели финские песни. Все были рады, что встретились вместе, обговорили все житейские вопросы и к вечеру стали разъезжаться по своим домам-хуторам, где кто жил. Только самые близкие расходились уже затемно.

Но никто не знал, что ждет впереди радующихся людей, живущих счастливо и свободно.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

После престольного праздника Иванова дня — начало сенокоса. Самые большие удои на хороших луговых травах; даже куры несутся без перерывов. Начинается самая теплая пора лета и белые ночи, чуть сумрачные, но светлые. В ночное время видимость хорошая, пасутся лошади на лугах и изредка слышно ржание лошадей и молодых жеребят. Их особенно много у помещика из деревни Куттузи. Конюхи пасли их по ночам, а поутру разъезжались работать кто куда. Работу вел управляющий помещика, и по его указаниям подводы уезжали в Петербург на разные ломовые работы, а остальные вели работы на помещичьих землях. Пахали землю, сеяли, сажали, возили корма. Дел по хозяйству хватало. Люди были наемные, в основном бедняки финны, но были и русские. Некоторые мальчишки-подростки из русских деревень приходили на заработки к помещику. Научились разговаривать по-фински и были совсем, как финны. Один мальчик, сирота с Псковской области, Петров Саша, делал по двору все, что ему говорили, потом пас коров, и в итоге хозяева окрестили его по своему, и стал он вместо Петрова, Питтко, а имя Саша заменили на Суло. Потом он долго жил в этих местах и после раскулачивания своего хозяина, которого увезли куда-то в Сибирь, женился на бедной финке и имел двоих детей, из которых сына назвали Суло, а дочь — Хилля, и жили они на горе в Куттузи при дворе помещика. На их глазах грабили имение помещика, забрали лошадей, вывезли все зерно и имущество, телеги, сани, а потом заселили какими-то людьми дом помещика, сделав из него общежитие. Сброд, заселившийся в доме, ничего не жалел. Оставшаяся мебель, сараи, забор все пошло на дрова и на покупку водки. Один, вечно пьяный, бешено играл на гармошке, пел и кричал, а потом поджег

конюшню и начал кричать, что пропади здесь все пропадом и гори синим огнем, тут играть нечего — айда все в Питер за мной. Никто не успел опомниться в дыму пожара, как этот хулиган исчез со двора догорающего имения. Несколько дней дымились головешки, и народ сам разошелся кто куда. Остались только каменные бутовые стены да погреба, где бывший хозяин хранил картошку, сад с палисадником, посаженная аллея лип и лиственниц, кусты акации и много-много кустов сирени. Местность изменилась и стала не узнаваема для тех, кто видел ее раньше.

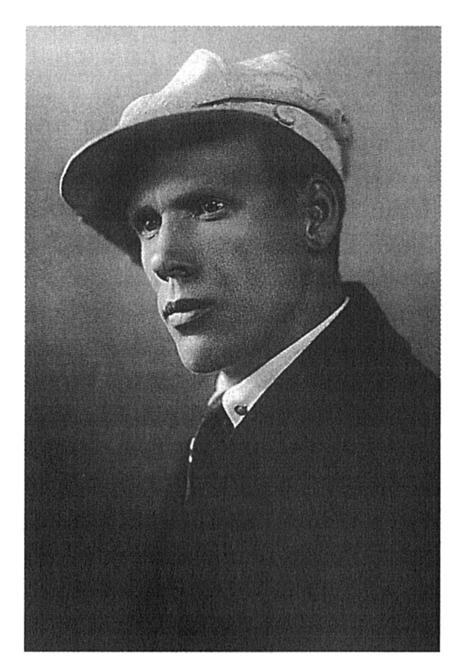
И снова обычная крестьянская жизнь, хлопоты по домашним делам. Дети подрастали. Тойво Лотто ходил в школу в деревне Аннино, учился хорошо и прилежно, занимался в духовом оркестре, поскольку в то время это было модно и молодежь тянулась на эти мероприятия. Он настолько хорошо учился, что впоследствии сам стал учителем в той же школе, где и учился, а потом был сослан в Сибирь как сын кулака и неблагонадежный элемент для большевиков.

Вот и Айно Андреевна пошла в ту же школу, где учился ее брат Тойво, деревня Аннино, Ломоносовского района, Шунгоровского сельсовета. Училась хорошо и была активисткой. Потом по окончании Гатчинского педагогического техникума учительствовала в деревне Большие Колпаны Гатчинского района и училась в педагогическом институте Санкт-Петербурга. Забрали ее в "Кресты" со второго курса института как дочь кулака. Просидела в одиночной камере два года и четыре месяца, а дальше ссылка по разным лагерям Сибири и Казахстана, в общем с 1937 года по 1958 год, но об этом речь пойдет особо.

Эйно, как подрос, очень полюбил хозяйство. Учиться не очень-то хотел, но в школу ходил. Более всего любил лошадей, работу по дому и в поле. Окончил четыре класса и больше в школу не пошел, а стал помогать по дому и по хозяйству. Возил продавать картошку в город, а оттуда навоз на свои поля. Появились собственные деньги, и он купил себе костюм, сапоги, карманные часы "Омега" и стал походить на взрослого молодого парня. Был очень стройный, высокий, худенького телосложения, с мелкими чертами лица и белыми, как лен, волосами.

Прошло еще время. Тойво уже окончил педагогическое училище и учительствовал в своей родной школе. Его знали все в округе,

все сельчане и родители детей. Учил он по-особому, притягивая к себе детей, занимал их разными хозяйственными делами, помимо уроков занимался с ними музыкой и духовым оркестром, завел школьный сад-огород, где сажали смородину, яблони, овощи, и из своего дома ставил в школьный сад ульи с пчелами. Когда он учился в училище, в Гатчине, то часто навещал своего друга, родители которого держали пчел. Там он и присмотрелся, как ухаживать за пчелами, попробовал сладкого медку в сотах, купил себе книгу о разведении пчел, зимой изучил ее, а весной задумал развести у себя в Никкорово. Стал мастерить по книжным чертежам улей. Както заехал к ним Матвей и увидел, как Тойво занимается постройкой улья, поговорил со своим крестником и решил ему помочь, так как сам много чего делал себе по дому: шкафы, комоды — и у него был инструмент. Вместе с крестником быстро сделали улей и тем решили проблему заведения пчел. Матвей много кого знал в округе и кто чем занимается: скотоводством, огородничеством. Тогда в Красном Селе жил зажиточный хозяин Муравьев, который держал много пчел и в колодах, и в ульях. Его дом располагался в очень удобной, с точки зрения рельефа, местности, имевшей большие возможности для медосбора. Рядом с домом проходил большой природный овраг где много разных кустарников: ива, лоза, ольха, орешник. Огромное количество разнотравья: донник, лопух, мать-и-мачеха, чистотел. А за оврагом большое поле, луга и равнина на пять километров, от Скачек до Каопорских высот, где сейчас военный аэродром. У Муравьева купили пчелосемью, которая так называется потому, что одна матка в улье, а остальные пчелы. Тойво Андреевич имел большой кругозор и ко всему испытывал любопытство. Что как растет в природе и как уживается природа с человеком, как ей надо помогать.

Тойво Андреевич Лотто. 1935 г.

Тойво Андреевич Лотто со своими учениками в деревне Аннино.

Очень интересовался биологическим устройством пчелы, трутней и самой матки. На уроках делился с учениками полученными знаниями и практическим опытом по пчеловодству.

Например, что пчела имеет пять глаз, а матка в теплое, летнее время откладывает в день до полутора тысяч яиц, то есть больше, чем весит сама. Что в одном килограмме пчел в среднем насчитывается до двенадцати тысяч особей. Дети иногда летом помогали ему, и сами наблюдали, как пчелы летают с пыльцой, как караулят свой домик, как носят воду. В любой стране мира публикуются журналы по пчеловодству, но нигде не сказано, что пчелы изучены полностью и с ними научились работать. Еще в древнем Египте пользовались дарами пчел: маточным молочком, прополисом, пергой-пыльцой и вкусным, ни чем незаменимым медом.

Тойво Андреевич часто ходил со своими учениками в турпоходы по окрестностям Санкт-Петербурга: в Гатчину, где учился, Детское Село, Красное Село, Дудергоф, Ропшу, Петродворец, где бьют фонтаны без единого насоса. Рассказывал как была воплощена в жизнь уникальная инженерная идея питать фонтаны водой с Ропшинских высот. Воду провели под землей по дубовым трубам к

Сестры Рятте. Справо Айно Ивановна (будущая жена Эйно Андреевича) и Екатерина Ивановна. 1931 г.

заливу в Петергоф. Дети слушали своего учителя, очень его любили и уважали. Но пришли годы советской власти, когда в каждом здравомыслящем человеке стали видеть врага и шпиона. Любой, кто выглядел чисто одетым, у кого дом покрашен и забор стоит, есть скотина, пчелы, лошади, кто не пьет и особо в церковь ходит, тот был враг народа. Тойво изредка ходил в церковь, и крестьяне ему кланялись, здороваясь, так как уважали за скромность. В округе дети были в основном из финских деревень, все местные знали друг друга не одно поколение.

Тойво был еще не женат и помогал сестре Айно учиться в институте, а младший брат Эйно работал в колхозе. У семьи Лотто к тому времени был неплохой двор, конюшня, к старому дому пристроили новый, баня и прочие по-стройки, необходимые в крестьянском хозяйстве. Эйно честно работал в колхозе, выпахивая на лошадях больше, чем тогда мог вспахать трактор. Его назвали стахановцем, повесили портрет на доску почета, избрали местным активистом и депутатом от Ломоносовского района.

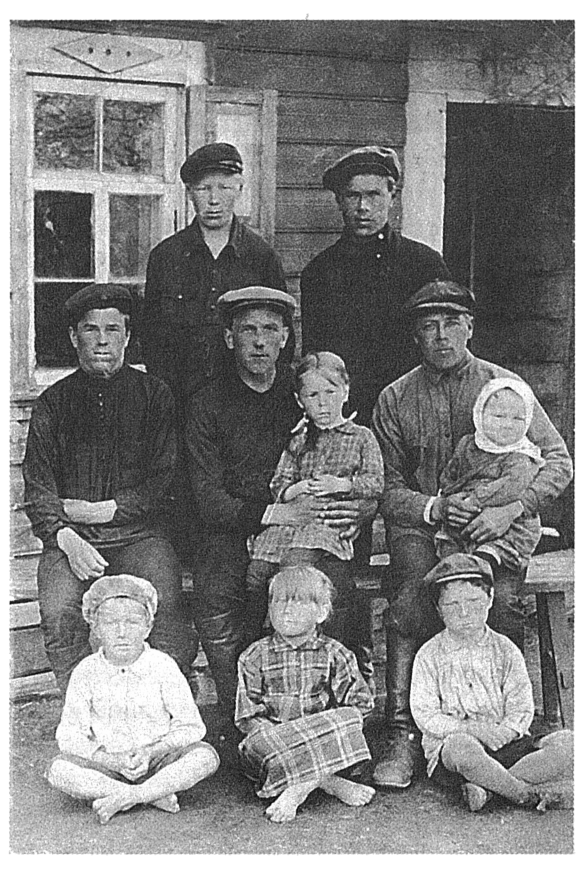
И вот наступил 1936 год.

Эйно женился на молоденькой финке Айно Рятте из соседней деревни. Через несколько месяцев замуж вышла Айно Андреевна за немца колониста, жившего в Стрельне, по фамилии Варвас. Сняли комнату в Старом Петергофе. Айно училась в институте, а ее муж был музыкантом в духовом оркестре при доме культуры.

Надвинулись мрачные дни 1937 года. Забрали Тойво за то, что учителю недостойно посещать церковь: ему нужно разговаривать с детьми, с комсомольцами, а он с Богом в церкви. Без суда и след-

ствия увезли его в казахстанские степи как неблагонадежного элемента из кулацкой семьи и прихвостня богослужителей, которому не место в школе. До сих пор в семейном архиве хранится его письмо, посланное родным из казахстанского лагеря в 1937 году с просьбой беречь себя и молиться Богу. Эйно забрали через некоторое время в "Кресты", а затем и Айну забрали с институтских занятий.

Младший брат Эйно, так же как и все, вступил в колхоз. Его семья была более зажиточной, чем другие крестьяне, и он вынужденно сдал в колхозное хозяйство двух лошадей, корову, телеги, хомуты, плуги, косилки, жатку, очистилку зерна (триер), телеги,

Эйно Андреевич Лотто (верхний слева)
с соседями. 1929 г.

сани, санки и выездные брички. А в конюшне дома Лотто, в деревне Никкорово, Ломоносовского района, Аннинского сельсовета разместили 35 лошадей, так как их сарай был большой, там лежало сено, зерно снопами, помещение было запланировано по-крестьянски добротно.

Народ работал честно, все друг друга знали и были родственниками. Но разные прослойки людей имели свои взгляды, доносили друг друга, чем способствовали большевистским властям, которые с первых дней своего существования держались на этих доносах, и подвергали репрессиям того, кто хоть чуть был не согласен с новшествами коммунистического общества. Так, Эйно Андреевич, работящий, очень горячий по натуре, чересчур справедливый и честолюбивый, содержал на своем родном дворе в конюшне лошадей, иногда зазорно оспаривал крестьянские взгляды на то, как нужно сеять овес, рожь, обрабатывать поля под зимнюю вспашку, посевы и посадки овощей. Но тут дали колхозу первый трактор "Фордзон", колесный, который должен был пахать эти земли. Тракториста назначили сами власти. Неграмотного, неквалифицированного, но хорошего глота, который затыкал глотки другим и все доводил до сведения начальства. Эйно Андреевич спорил, пререкался, когда что-то не так, доказывал, как нужно по честному крестьянскому опыту-труду. Трактор часто портился, простаивал, пахал плохо и на поворотах оставлял большие куски непаханой земли. Заезжал на другие участки земли, чтобы сделать разворот в обратном направлении для вспашки поля, одно поле пахал — другое, уже вспаханное и посеянное, портил. Шло грубое соревнование между тракторной вспашкой и вспашкой лошадьми. Эйно доказывал, что он больше вспашет на лошадях, чем тракторист на тракторе. Одни поддерживали тракториста, другие — пахаря на лошадях, так как в то время 99% пахоты обрабатывалось на лошадях, а в крестьянстве лошадь была работницей и кормилицей.

Эйно Андреевич был финн дородный, высокого роста — под два метра, худощав, белесый, как лен, крепкой крестьянской устойчивости, хороший косарь, выкашивал 70 соток за день. Местные крестьяне гордились им, и верили, что как он скажет, так в действительности и есть. Он говорил, что на лошадях вспашет больше, чем этот трактор, и пахал по одному гектару в день, проводя при этом мену в две пары, а то и три пары лошадей. Лошадей берег и не нагружал больше чем 35—40 соток на одну пару лошадей.

Плуг был упрощенный, немецкий с ножом—нарезом, двойной отвал борозды, двухосный. Пахарь с ним пашет больше, чем трактор, причем каждый день. И не портится, как трактор, который половину суток пашет, двое суток стоит.

Эйно Андреевича сделали ударником труда, выбрали в местные депутаты Ломоносовского района, повесили фотографию на доске в правлении колхоза. Замелькала крестьянская фигура в построении коллективного хозяйства, и показатель в процентах на доске у пахаря на лошадях лучше, чем на тракторе. Сводки даются в Ломоносовский район. Без конца все опережает пахарь на лошадях тракториста на тракторе. Эйно Андреевич кормил лошадей в своем дворе, в своей конюшне. У крестьян финнов лошади были хорошие, родовитые, шведские, красные с белой гривой и белым хвостом. Он отбирал лошадей сам, на каких пахать. Но начальство из Ломоносова и из центра ждало сведений, как трудится трактор "Фордзон", а не пахарь на лошади. Стали думать, как укротить трудолюбивого пахаря. Собрали бедняков финнов на маленькое собрание для их вразумления. Пояснили, что этот пахарь Эйно Андреевич — сын кулака Лотто Андрея, что он не пашет на лошадях, а губит скотину, государственных лошадей. Он их убивает непосильной работой. "Вы, товарищ Наппу Иосиф, и вы, товарищ Матикайнен Тойво, должны подтвердить это в письменном виде, и старший инструктор по указке сверху диктовал этим односельчанам финнам, как написать донос на Лотто Эйно Андреевича.

"То, что гражданин Лотто Эйно Андреевич физически убивает в труде лошадей, подтверждает сам ветврач района, товарищ Кондрин Филипп Петрович. А дело ветврача, будьте уверены, подтвердить это по всем мотивам. Задача вам ясна, товарищ Наппу Иосиф, и вам, товарищ Матикайнен Тойво".

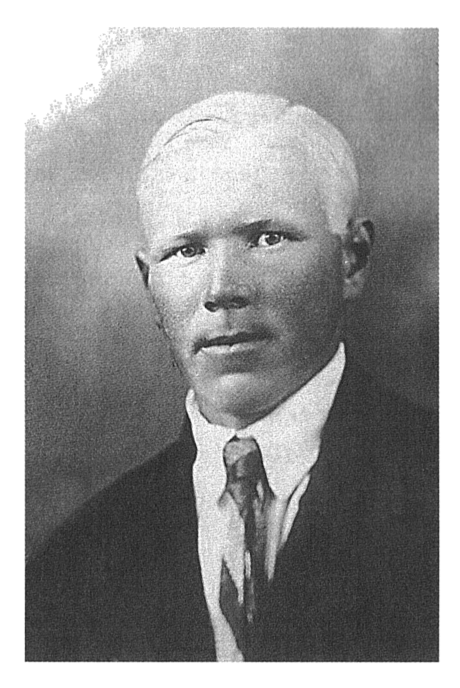
Эйно Лотто очень любил лошадей, менял их по три пары в день и брал свою личную пару. Он их больше всех любил и ухаживал за ними. Эту пару его лошадей называли Серкко — серые в яблоках. Семья любила породу серых лошадей и держала у себя только серых. На серых лошадях любил ездить сам старик Андрей Лотто. Он очень любил ездить в церковь, к пастору в Стрельну. Там была кирка и жило много немцев-колонистов, их так называли. Они были тоже лютеране, верили в Иисуса Христа и имели лучшие санки или же лучшую карету — шарабан с бубенцами, лошадей на русский

мотив, извозчиков-кучеров, быстро переезжающих от волости до волости, от губернии до губернии.

Итак, когда фабриковали дело на Лотто Эйно Андреевича, ветеринар подтвердил, что у лошадей порваны желудки от чрезмерной физической нагрузки. И вправду, врач знал, что нужно дать лошади, чтобы она умерла в муках и судорогах. Так делали на поле битвы, где лошади были ранены, увечены, и ветеринары усыпляли их без выстрела. Сначала пару дней мучились серые лошади самого хозяина. Эйно Лотто так любил их, что не отходил от них сутками. Не ел сам, а только курил и плакал крупными слезами, которые сыпались, как горох, и приговаривал: «Серкко, серкко». На второй день лошади подохли, а спустя пару дней еще подохли две лошади. Дошло до районного начальства. Прибыл ветврач, собрались мужики, сам Эйно и потащили лошадей в пески, в карьер на Стрельнинскую дорогу, где их и зарыли в ямы. Эйно не зарывал, а только думал, курил и курил. О чем он думал — может, о молодой жене, которая была в положении, Айно, может, об отце. Но уже старшего брата забрали, а тут еще лошади. О брате думал, что отпустят, недоразумение какое-то, и так как старший брат не был женат, то и плакать усердно некому. Смутно он это понимал, лучший ударник района, и когда приехал с мужиками в свой родной двор, то не смог идти в конюшню смотреть на лошадей, тело его ныло, ноги в сапогах сводило. И от переживаний его знобило. Изредка чувствовалась в груди слабость, сердце стучало медленно и слышно, что стучит, как молот в кузне — "тук-тук" — с глухим резонансом.

Эйно прошел в дом, при тусклом свете керосиновой лампы перешел в другой дом. У них было два дома: старый и новый, соединенные коридорчиком; снова перешел в старый дом, где его мать и родила. Там стояла русская печь, и всегда было тепло и уютно, пахло горячими щами, но есть он не хотел. Дома все молчали. Семья и он сам чувствовали, что пришло горе в дом. Брата арестовали, лошади, за которых он переживал больше, чем за брата, пали. Он не думал, что большевики жили по планам, мордовали людей заранее отработано, по доносу без суда и следствия. Забирали по ночам. Так произошло и в эту ночь, постучал кто-то в окно, именно в старую хату, где дремал Эйно. "Кто там?" — "Это Тойво Матикайнен. Тебе сказали прийти в сельсовет Аннино. Хотят отбеседовать с тобой правленцы наши. Там Наппу Иосифу, Абрам и другие". Эйно спрыгнул с лежанки, как тугая пружина выпрямил-

ся, в минуту оделся. Не проронил ни слова жене Айно и родным старикам, мигом очутился на улице. Моросил дождик. Обычная осенняя погода. Догнал друга, который его звал, стуча в окно. Шли молча. Оба вошли на ступеньки старого дома, который конфисковали у односельчанина финна, сделав в этом доме сельсовет. Дом был знаком Эйно, ибо в этом доме размещался магазин самого хозяина, который торговал разной утварью в царское время, а сейчас там была контора колхоза и сельсовет. Придя в сельсовет, открыл дверь и тут же услышал голос. "Ну, привел врага народа, убийцу лошадей", — говорил незнакомый Эйно человек. Эйно был горячий финн. На неправду, сказанную про него, резко бросился к незнакомцу, схватил его за кожаную куртку. "Врешь, сволочь!" — закричал Эйно. Но в это время другой, в кожанке, ударил ручкой нагана в висок. Потекла кровь, но он так сильно держал за грудь своего обидчика, что тот, другой, не мог его отбить. Остервеневшие чекисты, не ожидавшие такого поворота событий, надели на Эйно наручники. А он дрожал от ярости и кричал — "Врете, сволочи". Эйно втолкнули в железный фургончик какой-то машины и повезли в неизвестном направлении. Не знал Эйно Андреевич, что спустя два месяца его жена Айно родит ему дочь Ирью (Иру) — Сюльви Эйновну, которая ничего не будет знать о местах заключения своего отца, покуда в 1992 году в газете "Вечерний Ленинград" не прочтет в расстрельных списках о закрытом кладбище в Левашово, в окрестностях Ленинграда. Жена Айно всю свою жизнь искала мужа. Первые дни ходила к председателю Наппу Иосифу Абрамовичу. Просила сказать, где он сидит, где его держат. Ходила неоднократно, и однажды он сказал, чтобы искала по тюрьмам.

Эйно Андреевич Лотто, 1937 г.
Фото перед арестом.

Айно не могла знать, что Эйно сначала увезли в Красное Село, в подвал. Там чекисты били и пытали его, требовали подписать бумагу в том, что нарочно вредил и гробил лошадей в работе и пахал больше, чем трактор. Не может быть, чтобы кулацкое отродье могло вспахать больше, чем трактор, вот лошаденка-то и подохла, сгубил колхозную скотину. На что он отвечал, что скотина эта его, так как он отдал в колхоз двух лошадей, на них он и пахал. Но оправдания его не принимались, снова били, а он был крепкий крестьянин, горячий и сопротивлялся, доказывая свою невиновность. Ему снова давали по ребрам сапогами, таскали за волосы, истязали попеременно, а он сопротивлялся и никакой вины на себя не принимал. Наконец Айно Ивановна нашла его в подвале в Красном Селе. Дежурный сказал, что Эйно находится здесь вплоть до особого распоряжения. Она просила передать ему теплое белье, осеннее пальто и хромовые сапоги, которые он надевал только в выходные дни, и немного еды. Но не тут-то было. Дежурный сказал, что его здесь накормят и оденут. Но сапоги взял и пообещал передать. Много таких женщин, как Айно, искали по тюрьмам своих родных. Сплошная волна арестов проходила в каждом городе и селении большой России. Советская власть твердо держала свое слово: не умеешь — научим, не хочешь — заставим, виновен не виновен — все равно накажем. Айно стояла во дворе дома, в подвале которого находились неповинные люди. Она всматривалась в окна подвала, расположенные на уровне земли и заделанные решетками. Сначала стояла молча, а потом начала кричать: «Эйно, где ты? Это я пришла. Я передала тебе сапоги и одежду». Через подвальное окно слышны были вопли узников. Кто-то кричал оттуда, что его бьют в живот и грудь, выбили зубы. Она не могла узнать по голосу, но ей показалось, что это ее Эйно, что это он кричит. Спустя два дня она снова пришла к дежурному, принесла еды и попросила дежурного о свидании с мужем. Надзиратели велели ждать в коридоре, но спустя некоторое время зачитали, что гражданин Лотто Эйно Андреевич здесь не числится и вчера увезен в Санкт-Петербург, не известно в какой распределительный участок города, но сказали, что не сознается здесь — сознается там, в тюрьме. Она искала везде, где только можно. И в "Крестах", и в разных колониях, но все было напрасно. А по запросам в органы ответ один: место пребывания неизвестно. Билась бедная женщина всю свою жизнь в ожидании и надежде хоть откуда-

нибудь весточку получить, жив или мертв, но правды так и не смогла узнать. И только спустя 55 лет, когда Союз рассыпался, как карточный домик, благодаря Горбачеву Михаилу Сергеевичу, проявилась правда о кощунстве того времени и преступлениях властей. Сколько людей замордовали без суда и следствия!

Вот подлинный документ, опубликованный в газете «Вечерний Ленинград» № 121 от 26 мая 1992 года.

«Мартиролог Левашовской пустоши

Список реабилитированных граждан, приговоренных к высшей мере наказания в 1936—37 годах и расстрелянных в городе Ленинграде.

...5548. Вальтер Петр Матвеевич, 1875 года рождения, уроженец г. Кингисепп, Ленинградской области, немец, беспартийный, кузнец колхоза «Горка», проживал в деревне Михайловка, Красносельский район. Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года.

5549. Хугтунен Павел Петрович, 1897 года рождения, уроженец и житель деревни Никкорово, Красносельского района, Ленинградской области, финн, беспартийный, пожарный Электромашстроя. Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года.

5550. Ворго Абрам Иванович, 1880 года рождения, уроженец деревни Румболи, Красносельского района, финн, партийный, безработный, проживал в Красном Селе. Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года.

5551. Лотто Эйно Андреевич, 1912 года рождения, уроженец и житель деревни Большое Никкорово, Красносельского района, финн, беспартийный, работал в колхозе «Никкорово». Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года.

5552. Маттинен Иван Андреевич, 1889 года рождения, уроженец и житель деревни Яльгелево, Красносельского района, счетовод колхоза «Красная деревня». Приговор приведен в исполнение в декабре 1937 года».

Эти списки бесконечны... Наконец-то выяснилась тайна, где были убиты люди, а власти скрывали и давали ложные показания. Чтобы не разоблачать зверское убийство, Айно Ивановне дали справку в 1958 году, что Эйно Андреевич умер от болезни в неизвестном лагере и что он полностью реабилитирован, и выдали денежную

компенсацию на которую она, в память о своем муже, купила для дочери швейную машинку с финским названием «Тикка» (Дятел). Эйно так и не узнал, что у него родилась дочь. Ее отца, передового колхозника, звеньевого и бригадира, чья фотография висела на Доске почета, по наговору пьяниц и отбросов общества, валявшихся по канавам, попросту уничтожили. Вот такая политика была принята большевиками по отношению к честным труженикам страны.

Айно Ивановна очень любила мужа, как говорят, души в нем не чаяла и когда он где-нибудь задерживался, она не садилась ужинать, а ждала его.

Дочь Айно и Эйно родилась 12 декабря 1937 года. Зима была суровая, с горы надуло столько снегу, что не было видно крыш сараев и домов. Надо крестить дочь, а до церкви не доехать. Лошадь тонула в снегу, не видно было, где заборы, где дороги, только по памяти можно было добраться. Крестины прошли без отца, крестной матерью стала Герта Матикайнен, которая прожила долгую жизнь и все вспоминала это крещение Ирья (Ирины) — Сюльви Эйновны. Умерла крестная в 1994 году. Ее дочь Эльви ровесница Иры.

В 1933 году, когда создали колхозы, у людей отобрали землю и скот в пользу государства. Айно Лотто было очень трудно растить дочь без мужа. Отца арестовали как кулака, и у них все отобрали. Даже стулья и скамейки забрали для сельсовета. В конюшне разместили колхозных лошадей, во дворе колхозные телеги, и усадьбу превратили в постоялый двор. В доме постоянно чужие люди и тогдашнее начальство. Айно с маленькой дочкой переселили в старую избу, а в новую въехал председатель сельсовета из русских тоже с дочкой и женой. По воспоминаниям Айно, человек был неплохой, но постоянное присутствие чужих людей создавало невыносимую обстановку, иногда даже пеленки негде было постирать.

Пришла весна 1938 года, и началась весенняя посевная. От колхоза, который рядом с большим городом, требовали огромный план по сдаче сельхозпродуктов. Помимо содержания лошадей и коров надо было выращивать огородные культуры. Уже в то время огурцы и помидоры выращивали в парниках. Но самой тяжелой работой была заготовка камышей для изготовления матов, которыми при заморозках накрывали парники. Камыши заготавливали в болотах, и так как резиновой обуви не было, стояли по колено в воде

и серпами резали камыш. Количество парников все увеличивали и увеличивали. Женщин кабалили в непосильном труде, заставляя заготавливать впрок на будущее лето. Росло все хорошо, но сколько ни сделай, все было мало. Айно Лотто гоняли на все работы в колхозе, и маленькая дочка оставалась под присмотром чужих людей. Девочка росла, мать трудилась и ждала отца, надеясь, что отпустят и он придет домой. Шло время, люди страдали, а оголтелый коммунизм все осуществлял свою бредовую идею на костях людских, морил людей непосильным трудом. Народ строил новый мир, ломал церкви, презирал священников и тех, кто верил в бога. Дядя, Хуттунен Юхо, был огородным бригадиром и приходился двоюродным братом мамы Айно, Марие Юховне. Он предупреждал племянницу, чтобы она ничего не брала из колхоза, а то за одну морковину могут посадить в тюрьму. Она, напуганная арестом мужа, и так всего боялась и старательно работала, полагая, что ее труд и честность хоть как-то помогут мужу. Рабочий день был не ограничен в часах, и работали с утра до вечера.

Айно Ивановна (жена Эйно Андреевича Лотто) с дочерью Ирья (Ириной). 1940 г.

Дочь Ирочка уже подрасла, стала говорить по-фински. Играла около дома. Там были и русские дети приехавшего начальства: агронома, акушерки, председателя сельсовета, но она сторонилась их, потому что говорила по-фински. Во дворе стоял большой чугунный котел, когда-то брошенный еще царскими солдатами. Он был поколот и с трещиной, но вода в нем была и не вытекала. И вот однажды, когда Айно ушла на работу и с дочкой осталась бабушка, мама Айно, Ира, побегав по двору, как все девочки, решила постирать какие-то тряпочки для своей куклы. Слишком сильно перегнулась через край котла и свалилась в воду. Людей в это время во дворе не было и девочка, пытаясь выбраться, стала кри-

чать, но, соскальзывая со стенок в воду, все больше и больше хлебала воды. В это время в конюшне конюх чистил клетки лошадей и услышал крик ребенка. Но не мог сообразить, что ребенок упал в котел. Метался по двору, долго искал место, откуда кричала девочка и, наконец, догадавшись, вытащил из котла измученную малышку. Она дрожала, как маленький котенок, и он на руках быстро отнес ее в старую избу, где старая бабушка Мария топила плиту и что-то готовила из еды. Девочка была сильно напугана и измучена, и конюху пришлось рассказать, что случилось с ребенком. Бабуля схватила внучку, стащила с нее мокрую одежду и, завернув ее в шерстяное одеяло, стала приговаривать по-фински самыми нежными словами, лаская ребенка, и постепенно девочка, согревшись под одеялом у печки, спокойно заснула. Конюх закончил свои дела в конюшне, запряг лошадь в тележку и поехал на парниковое поле, где работали женщины, рассаживая капусту. Женщины сидели на корточках в бороздках, спиной по ходу, и конюх не мог узнать среди них Айно, хотя видел женщин каждый день. Как будто куропатки или куры разошлись по полю — и конюху пришлось пройти вперед, чтобы найти Айно. Она в конце поля гнала сразу три бороздки капустной рассады и работала быстро, как автомат. Конюх, запинаясь на каждом слове, рассказал Айне о случившемся с ее дочкой. Мать бросилась бежать прямо через поле к дому. Соседка по работе, Лена Минна, злая старая дева, которая была в родстве с семьей Лотто, приходилась двоюродной сестрой Эйно, увидела быстро удаляющуюся Айно, стала расспрашивать конюха. Тот, переминаясь с ноги на ногу, медленно стал рассказывать, как он услышал крики и как долго искал девочку, и когда ее вытащил, девочка по-фински поблагодарила его. «Китоксия пальёон», — сказала она. Сейчас бабушка растирает ее и отогревает у плиты. Бабы, как куры, сбежались в одно место и с тревогой прислушивались к рассказу конюха. Лена захотела пойти сама посмотреть, с ней решила пойти и Герта Яковлевна Матикайнен, ведь все же она была крестной мамой девочки. Пришли в дом Лотто и увидели двух заплаканных женщин: бабушку и Айно, а ребенок спокойно спит у теплой плиты, закутанный в одеяло, и платьице сушится, повешенное на веревочке. Посидели немного, Лена с Гертой обсудили случившееся и, посоветовав Айно позвать фельдшера, ушли на работу. Фельдшер была и акушеркой, и местным врачом. С ней всегда здоровались и кланялись при встрече. Айно пошла позвать акушерку.

Теплые летние дни только начинались. Как всегда, под Петербургом весной светло и красиво. В это время самая пора пения птиц, по полям жаворонки, чибисы кричат, в лесу поют соловьи, дрозды, все живет, все растет. Айно поджидала фельдшерицу и смотрела на речушку Кикингу, что протекала рядом с домом. По берегам она заросла кустарниками ольхи и ивы, в которых очень любили гнездиться птицы, а к вечеру в них заливались трелями соловьи. Айно пошла встречать врача по тропинке вдоль забора, заросшего уже густой полосой крапивы, и увидела, что женщина направляется к деревянным воротам, где на телегах ездят да скот гонят на пастбище. Еще дедушка сделал забор, чтобы скотина не забегала в сад и огород и не портила грядки домашние. Айно пошла на встречу к врачу и, как бы извиняясь, объяснила ей, что дорога используется только для скота и проезда телег, а люди ходят к дому по тропинке. Выскочила собачка Рятту и стала злобно облаивать чужого человека, и как не уговаривала хозяйка собачку прекратить лаять, та не успокаивалась, и пришлось ее запереть в сарае. Пока Айно управлялась с собачкой, фельдшерица огляделась. Ей очень понравились сортовые кусты сирени, цветущие белыми и темно-сиреневыми крупными гроздьями. Вечером все это великолепие благоухало. Подошла Айно, и обе женщины некоторое время молча стояли, думая каждая о своем, любуясь природой и вдыхая весенний аромат цветущей сирени. Прошли в дом. Айно с волнением рассказала, что произошло. Врач все это время пыталась понравиться девочке, но та, не понимая по-русски, все крепче прижималась к бабушке, на коленях которой все это время сидела. Айно взяла девочку к себе и поставила градусник, переданный врачом. Пока мерили температуру, врач поинтересовалась, кто живет на другой половине. Айно пояснила, что там живет председатель сельсовета, а они здесь — в старой половине дома. Температура оказалась повышенной, и врач предложила держать девочку в теплой шерстяной повязке, пока не спадет температура. На этом попрощалась с хозяйками и вышла из дома.

Айно пошла проводить и заодно поблагодарить за оказанную помощь и беспокойство. На ночь положила девочку рядом с собой, чтобы в случае чего быстро оказать ей помощь. Всю ночь продремала и чуть свет начала управляться по хозяйству. В хлеву стояли корова и молодая прошлогодняя телка, а в углу за загородкой мычал весенний бычок-теленок. Своя скотина стояла в деревянном

сарае-хлеву, а в каменно-бутовом колхозные лошади, которых отобрали у крестьян. Старый дед Андрей Лотто настроил удобных и просторных сараев, думая о своих сыновьях и о будущем, чтобы удобно было сохранять сено и припасы на зиму. Но советская власть нагло захватила лучшие хозяйства, крестьян сделала врагами народа и за свое добро лишала жизни, а награждала тюрьмами и лагерями, каторжными работами, ссылкой и лишением всяких прав. Айно принесла парного молока и стала упрашивать дочь попить молочка, но высокая температура, видно, совсем испортила настроение и самочувствие дочери. Она плакала и ничего не хотела. Мать сменила на ней белье и ушла на работу. Бабушка осталась с внучкой. Весь день в колхозе по-прежнему пикировали и сажали рассаду капусты. Айно занимали думы о происшедших с ней и ее семьей переменах, и еще не подозревала она, что через три года будет война и сколько выпадет на ее долю горя и мытарства по белому свету — в Эстонию, в Финляндию, снова в Эстонию, в Великолукскую область, Псковскую, в Карелию. Но это будет все потом, а сейчас она живет в мужнином доме, на родине, в своей деревне Большое Никкорово. Еще живы ее родители, которые впоследствии не перенесут скитаний по всему свету и умрут на чужбине кто где, а на их родине начнет действовать указ Сталина, чтобы за 24 часа ингерманландцы освободили территорию, где они сейчас проживают.

ВОЙНА

Пришло лето, теплые солнечные дни помогли выздоровлению ребенка. Айно все ждала весточки от мужа, но ничего о нем не было слышно. Только получила одно письмо от брата мужа, Тойво — учителя из Караганды, что в Казахстане, и спустя год от золовки, сестры мужа Айны Андреевны. Это письмо было из Сибири, с Енисея. Писала, что живет в ссылке, в лагере, сильно болела, ослабла, но пока еще жива. Тойво в своем письме просил, чтобы берегли себя, молились Богу — он спасет, всех помнит, всех целует, ваш Тойво Андреевич Лотто. Айно Ивановна сохранила эти два письма, написанные в 1937 году.

С первых же дней как будто сразу все прорвалось. Засуетились люди, начали рыть окопы, перегонять скот, сообщать на хутора родным и близким о случившемся. Не приведи бог увидеть страх и панику людей. В магазинах исчезло все: соль, сахар, крупа, хлеб — раскупили кто что мог. И только благодаря запасам деревенским и помощи приусадебных хозяйств можно было как-то жить. Людей погнали в направлении Гатчина — Русско-Высоцкое — Кипень на рытье канав и противотанковых рвов глубиной шесть метров и шириной десять метров, и все вручную. Копали и стар и мал, юноши и девушки, мужики и бабы. По утрам всех собирали и на телегах или пешком направляли к месту работ. Несли с собой узелки с едой, кто что мог. Рвов и канав было нарыто много, но все без толку. С эстонских аэродромов немецкие летчики точно бомбили и из пулеметов расстреливали толпы людей, роющих землю. Сотни людей были убиты, лошади с подводами тоже попадали под обстрел и бомбежку. Крики людей, ржание лошадей, кошмарная суета, паника, стон и плач. И день за днем это все возрастало, так как немец приближался неумолимо. В окрестных деревнях нарыли окопов и

землянок, так как от бомбежки много гибло детей и женщин. Так были убиты дети Ивана Хуттунена и соседняя девочка Эльза Наппу. Их хоронили на Капорском кладбище на горе, в это время налетели самолеты и обстреляли процессию. Тут же убили дедушку, который хоронил своего внука и соседскую Эльзу Наппу. Кошмарное зрелище терзало людей.

Деревни Финское Койрово и Русское Койрово находятся вдоль Волхонского шоссе на возвышенном бугре по обе его стороны. Дорога Волхонка очень прямая, без единого поворота между Пушкиным и Петергофом, любимая дорога царских чиновников и высшей знати. Невдалеке, напрямую около пяти километров, Пулковские высоты, подвергавшиеся постоянному артиллерийскому обстрелу и бомбежкам. Так вот эти деревни были сожжены в первые дни войны, а когда крестьяне угоняли оставшийся скот, то опять налетели самолеты, побили скот и убили двух женщин и немого пастуха Юхо Кабанена. Из этих женщин одна оказалась сестрой мамы Айно Ивановны. Хоронили их уже не на горе Капорская, а в глухом лесу среди осин и ольхи, в окрестности деревни Румми. После этого там и открылось новое кладбище, а хоронить на нем стали только после войны в 1957 году. Недолго пришлось рыть канавы и гнать скот неведомо куда. Уже через месяц немцы разворачивали свои позиции в окрестностях Ленинграда. Солдаты весело играли на губных гармошках, раскатывали на мотоциклах по деревням, строили укрепления, занимали хорошие дома у крестьян, а их выкидывали жить в сараи и землянки. Жгли сараи и разбирали готовые бревна из стен на дрова для кухонь. Дело двигалось к осени, и нужно было всему живому готовиться к суровой зиме. Немцы, не зная ничего о русской зиме и морозах, еще играли на губных гармошках, посматривая на фрау — на женщин финок, заставляли стирать белье, чистить картошку и заниматься уборкой. Вначале солдаты прибывали на машинах и мотоциклах, но к осени появились хорошие лошади и фуры-телеги. Их доставляли через Прибалтику, и платформы доходили до Луги и Пскова, а уже оттуда перегонялись ближе к Ленинграду. Железнодорожные магистрали работали безупречно, еще не появились партизаны, и движение составов с техникой и провиантом не испытывало никаких трудностей. Изо всех оккупированных стран — Польши, Белоруссии, Латвии, Литвы — шли составы для обеспечения великого нашествия. Дрожала и стонала земля Российская.

Политика “красного террора” начисто разрушила внутреннюю крепость духа народа, а борьба с религией привела к первоначальной растерянности и слабости перед захватчиками. Разорение храмов и церквей, особенно лютеранских и католических, которых было много вокруг Ленинграда лишило людей нравственной опоры. Единственная киркка (церковь) действовала в Дудергофе (ныне Можайск, железнодорожная станция по ветке на Гатчину) до 1933 года. В ней венчались у финско-шведского пастора все родственники семьи Лотто. Пастор знал много языков и мог служить службу и по-фински, и по-шведски. Эту церковь сначала разграбили, развалили, а потом сожгли. А место, где она стояла, очень красивое. Вокруг деревени с финскими названиями: Виллози, Каркузи, Кархели, Кеккелья, Яерялси и т.д. В этих-то местах в наше время стали проводить свои мероприятия финские организации ингерлитто, праздники и встречи финнов, проживающих в Швеции, Финляндии, Карелии, России. Праздники проводятся ежегодно в Юхо (Иванов) день. И такая красота в этих изумительных местах, подаренных самой природой и Богом человеку. Большие возвышенности и овраги, ровные поляны и заросли орешника, цветущие разнотравьем луга. Финны заблаговременно, до праздника, с такой душой облагораживают и готовят к празднику эти места. Иванов день — день встречи со всеми, кто смог выжить и приехать. В 1990 году на этот праздник приехали со всего бывшего Советского Союза, Финляндии, Швеции, Германии, Эстонии, Латвии — отовсюду, где жили расселенные финны. Даже после войны выгнанные или выселенные из своих родных мест прибыли 21 июня на этот светлый для них праздник. Много поздравлений прозвучало всем собравшимся, много объявлений о розыске родных и близких. И откликались люди, живущие в разных местах, куда забросила их рука сталинского террора, годы войны и послевоенного сумасшествия. Праздник пел и плясал, радовался встречам людей, оказавшихся снова на родных землях, брошенных в пору изгнания. Вспоминали свои места каждый из присутствующих. Немцы из Казахстана тоже вспоминали свои места жительства под Стрельной и свою каменную церковь, где их предки крестились и жили рядом, а после Октябрьского переворота были сосланы в Сибирь. Они братья по вероисповеданию, лютеране, узнали о празднике и смогли приехать, посмотреть на места своих предков немцев-колонистов. Удивительно, что многие из них не знали о жертвах со стороны

немцев во время блокады Ленинграда и о захоронении их в Красном Селе, напротив действующей сейчас церкви, в парке, где установлен бюст Ленина и карусели. Какое кощунство замаскировать парком с каруселями могилы простых смертных, офицеров и солдат, посланных на смерть в эти земли и захороненных по обычаю с крестами и надгробьями. Могилы наших солдат в других странах содержатся в надлежащем порядке. Время открыть души умерших и покаяться живым за те грехи, которые совершены с обеих сторон. Красное Село имеет самое большое захоронение офицерского состава. Со всех мест боев, проходивших на этом направлении, старались захоронить на избранном месте, на высокой красивой горе, в Красносельском парке.

Но вернемся к нашему повествованию о начальном периоде войны. Как только пришли сведения, что немцы уже в Луге засуетились старосты и председатели сельсоветов, не зная, что делать с населением. Пришел приказ на эвакуацию. Быстро запрягли в повозки колхозных лошадей и давай-давай собирайся. Дети плачут, куры кричат, собаки лают, старики молятся. Что взять с собой, что оставить? Снялись и, как стая птиц, двинулись со всех деревень в сторону Красного Села. Только проехали эти семь километров, как пришло известие, что немцы уже в Русско-Высоцком. Военнослужащим следовать в Ленинград, а населению оставаться до последующего решения. Прошли несколько дней, но никаких распоряжений не последовало. И люди решили после ухода армии с остатками лошадей и подвод возвращаться в свои брошенные дома. А некоторые поехали в Ленинград, не зная, что в будущем умрут там от голода и холода. Вернулись и стали жить в прифронтовой полосе, постоянно встречаясь со смертью и горем. Шли ожесточенные бомбежки. Ленинград не пускал врага дальше Лигово. Сначала немцы пели песни, играли на гармониках, варили обеды, а остатки пищи отдавали жителям, но к Рождеству установились морозы и голод стал донимать людей. Нечем стало кормить скот и начался падеж. Немцы заставляли крестьян закапывать падших лошадей. Раньше местное население никогда не ело конину, а тут от голода стали, скрывая друг от друга, отрывать погибших замороженных лошадей и использовать их мясо для еды.

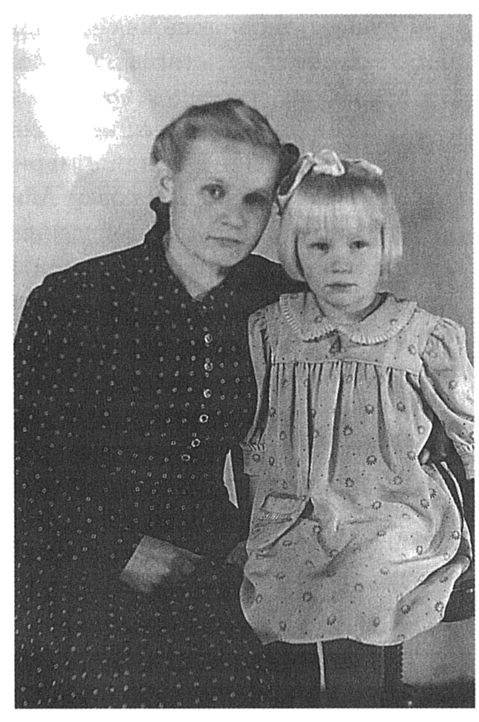
После войны из Швеции приехала семья, выселенная во время войны. Они рассказывали, где они отрывали конину и как питались ею. Проживая в богатой стране, финн Минна Пекко Иванович при-

вез с собой пять больших чемоданов с разным добром в виде костюмов, свитеров, нейлоновых рубашек, платьев. Но память о вонючей конине и голоде неизгладима, поэтому он привез с собой два свиных копченых окорока и ветчину в соусе в плоских пятилитровых банках. Гостя у нас, в Ториках, сообщил о своем приезде братьям и сестрам в Карелию в город Кондопога. На встречу приехали две сестры, Айно Ивановна и Людмила Ивановна с мужем, брат Вилье Иванович с детьми, сыном Матвеем и дочерью Марьяной. Все вспоминали военное время и радость переходила в слезы, в счастье общения на своей земле..

Но вернемся снова в первую зиму войны. Многие старики не выдержали и умерли, народ пух с голоду и болел. Немцы очень боялись разных заболеваний, периодически заставляли поливать все жидкой хлоркой. Помрачнели немецкие парни, уже не выглядели такими холеными, у некоторых дома, в Германии, остались дети. Один белокурый немец часто подкармливал маленькую девочку Ирину леденцами. Немцами было принято решение о выселении финских деревень в Финляндию, то ли от жалости, то ли для того, чтобы освободить фронтовую полосу. Многие утверждают, что они все же жалели финнов, и вывезли в более спокойные места по городам Финляндии. Настало время и поочереди, сначала многосемейных с малыми детьми, начали отправлять. Родителей Айно Ивановны и сестру Катри отправили на неделю раньше. Везли через Гатчину в товарных вагонах до Таллинна в лагерь «Клоога», а далее погрузили на пароход и через Балтийское море в Финляндию, где поместили в лагерь «Хумпилла» и уже оттуда в город Хювинька. Наступила очередь Лотто Айны Ивановны с дочерью Ирья-Сюльви. Ехали тем же путем. Очень тяжело было прощаться с родными местами, все нажитое за всю жизнь несколькими поколениями Лотто пришлось оставить. Кухонную утварь, мебель и одежду, дом и скарб, белье и посуду — все, что окружает человека в его повседневной жизни. С собой разрешалось взять немного белья, еды, одежды, несколько одеял и подушек, свечи и керосиновую лампу, без стекла, которую возили с собой всю жизнь, и лампа эта стала семейной реликвией. В Таллинне в лагере «Клоога» почему-то задержали на неделю, потом собрали много переселенцев и пароходом отправили в Финляндию. Довольно сильно штормило, дочку быстро укачало, и маме пришлось всю дорогу держать ее на руках, из-за чего она сильно устала и ослабла, так как ничего не ела. По

прибытии в лагерь «Ханко», еще задержка на двое суток — и снова перекочевка в лагерь «Хумпилла». Там жили в одном деревянном доме очень много семей. Спали на своих тюках и мешках. Опять переезд в город Хювинька. Там их распределили в большой каменный дом какого-то богатого человека вместе с другими семьями, также прибывшими из Ингерманландии. После этого администрация Финляндии завела карточки на каждого прибывшего с подробной отметкой кто и откуда прибыл. Айно Ивановна знавшая финский язык, смогла найти в списках, куда распределили семью Рятте — Юхо, Марию и Катри. Нашла барак, где вместе со множеством других семей, в маленькой комнатке жила семья Рятте, с радостью встретившая дочь с внучкой. Через некоторое время, ознакомившись с окружением и людьми, Айно нашла себе работу прислугой у одного богатого хозяина. Выполняла все работы по хозяйству: мыла полы, убирала двор, стирала белье, следила за чистотой и порядком в доме. И вот однажды хозяйка велела вымыть окна. Айно была старательной работницей, все делала аккуратно и полностью выполнила работу. Но окон было много и долгая работа на сквозняке сказалась на ее здоровье. Она простыла, подхватила воспаление легких и от высокой температуры даже теряла сознание. Старики очень испугались, окружили ее всяческой заботой, вызвали доктора. Тот делал компрессы, вливал в рот с ложечки микстуру, натирал спиртом, но болезнь протекала очень тяжело и шансов на выживание было мало. Хозяин предложил положить больную к себе в дом, что и было сделано. У них своих детей не было, и они удочерили двух девочек. Одна из них, лет девяти, совсем не слушала своих родителей была раздражительная и плаксивая, не воспринимала учебу и домашнего учителя. Хозяйка очень хотела, чтобы эти чужие дети стали родными, но почему-то так не получалось. Хильда, так звали хозяйку, была доброй женщиной. Ей было очень жалко свою новую работницу и стариков, плачущих над своей дочерью, и их внучку Иру, маленькую, хрупкую и тоже плачущую. Бабушка вместе с внучкой, сидя у кровати больной, вслух читали молитвы во спасение больной женщины, чтобы Бог услышал и помог выздоровлению. Хозяйка вслушивалась к словам детской молитвы и уже для себя решила, если работница умрет, то она возьмет девочку к себе, так она ей понравилась: вежливая и ласковая — видно вырастет хорошим человеком. Айно становилось все хуже, и хозяйка в уверенности что, та умрет, ре-

шила сказать бабушке о своем предложении. Но к ее удивлению бабушка сразу же ответила Хильде, что, пока жива, внучку будет носить на руках, а если не сможет на руках, то в зубах носить будет, но никогда и никому ее не отдаст. Хильде это поначалу совсем не понравилось, но через день она пришла успокаивать старушку и вновь повторила свое предложение. Но кризис миновал и утром, еще до рассвета, Айно приподнялась на подушке и попросила горячего чая. Бабушка бросилась греть самовар и, когда пришла хозяйка, то с удивлением увидела уже сидящую в постели работницу. Айно поздоровалась с ней, и это было признаком выздоровления. И действительно, с этого дня молодая женщина стала быстро набирать силы и потихоньку передвигаться по комнате. Хильда стала вежливее относиться к Айно, чаще с ней разговаривать по-фински, хвалить за дочь. Вскоре Айно смогла приступить к работе по дому. Хозяева жили зажиточно и кроме нее в доме держали еще работников, которые смотрели за девочками, а дело Хильды, хозяйки, было одевать, обувать и присматривать за их внешним видом. Муж ее, Арво, был финн рослый, стройный блондин, чувствовал себя уверенно и гордо. И вот пришли праздники. Пекли пироги, встречали гостей, танцевали под граммофон вальсы. Арво во хмелю сделался ласковее и вдруг решил танцевать со всеми служанками. Девушки ингерманландки, как он их называл, действительно хорошо танцевали и пели, ведь они с детства, у себя на родине, были воспитаны в музыке и песнях.

Айна Ивановна с дочерью Ирья (Ириной) в Финляндии. 1944 г.

Прошла зима, и солнце стало светить по-весеннему. Люди повеселели, приветливо здоровались, дворники выметали зимний мусор

и на душе становилось как-то спокойнее. А под Ленинградом шли ожесточенные бои, стягивалось кольцо блокады, гибли десятки тысяч людей, знакомые учителя, врачи, пастухи, священники и невинные дети ничего не видевшие в жизни. «За что такая судьба человеку?» — думала Айно, глядя в мирное небо Финляндии. Верила, что муж жив. Вспоминала золовку Айно Андреевну. Где-то она в лагерях, далеко в Сибири. Эти мысли сверлили голову, работать служанкой на хозяев не хотелось. Своей подруге Герте жаловалась, что не может работать и поддакивать хозяйке. Герта сочувствовала подруге, так как сама работала на другого хозяина, державшего коров, она их доила, ворочала навоз, убирала стойла. И вот, как-то раз Герта сообщила Айно, что нашла работу, где платят больше. Работа, на ткацкой фабрике быстрая, требующая большого внимания. «Хозяин берет ученицами, я уже с ним разговаривала, и он согласен взять обеих. Жить будем у него на фабрике, в общежитии, у него большие комнаты и кухня, можно и постирать». Айно обрадовалась чему-то новому в ее жизни и сразу же согласилась. Сначала пошли к хозяину фабрики и посмотрели, как работают женщины за ткацкими станками, потом осмотрели комнаты, где будут жить вместе. Дом как дворец — с красивыми окнами, потолки, двери все покрашено, чисто, просторно, да и денег будут получать побольше, чем сейчас. Обо всем договорились, и Айно пошла предупредить хозяйку о своем переходе на другую работу. Та только спросила о жилье, что-то процедила сквозь зубы и больше не стала разговаривать. Айно стала быстро собирать свои вещи. Пришла Герта и предложила нанять подводу для переезда, а поскольку была смышленая, тут же у пекарни договорилась с конюхом Армосом Карху подогнать телегу к ее дому. Погрузили узлы, посадили детей, Элви и Виктора, по возрасту они были ровесники Иры, и поехали за Айно. Та уже была готова к переезду. Дети радостно встретили друг друга, ведь они с детства были соседями, и судьба определила им быть снова вместе. Конь у Армоса Карху был упитанный, красный с белой лысиной и белыми копытами, но очень ленивый и тянул телегу медленно. Дети сидели на телеге, и женщины изредка покрикивали на них, чтобы были внимательны, а то не дай бог еще свалятся. Приехали на новое житье, и пошла суета на новом месте, где что положить, где спать, где что поставить поудобнее.

Переночевали, а утром на работу. Сам хозяин встретил молодых женщин, поздоровался и отрекомендовал другим работницам,

что это пришли новые ученицы, и вы им показывайте, что и как делать. Началась работа. Женщины доброжелательно отнеслись к ученицам, показывали и учили различным приемам в ткацком деле, и работа становилась все интереснее и интереснее. Шли дни, и хозяин стал им платить жалованье больше, чем они зарабатывали раньше. Бабушка часто приходила навестить дочь и любимую внучку, непременно с каким-нибудь сладким гостинцем, то с пряником, то с леденцами. Герта с детьми жила напротив по коридору, в светлой угловой комнате с маленьким балкончиком между двух окон, и детям очень хотелось открыть балкон и постоять там, посмотреть с высоты вниз. Действительно смотреть сверху вниз очень интересно. Видно, кто едет на велосипеде, кто на лошади, кто в телеге, а кто и вовсе идет пешком. Но взрослые не разрешали этого, боялись как бы кто не свалился. Заработанные на фабрике деньги подруги расходовали осторожно, но жили уже лучше и могли себе кое-что позволить. И все же бесконечная ностальгия все время беспокоила душу. В голову лезли мысли о родине, вспоминались окрестности Ленинграда и родные деревни. Прислушивались к передачам по радио, что там, на фронте под Ленинградом, точно ли прорвут блокаду и освободят их родные места. И вот зазвучали названия мест совсем уж под Ленинградом: Старая Ладога, Кабона, Невская Дубровка, Красное Село, Ропша, Гатчина. Разорвали кольцо и отбросили немцев на Запад.

Но после военных действий земля обезлюдела, нужны были рабочие руки, и заработала система политического обмана. Начали официально агитировать финнов ингерманландцев возвращаться на родину и занимать свои дома. Началась паника и ажиотаж. Я еду, мы все едем, нечего нам тут делать, там наша Родина. И поехали. Уже подъезжали к Выборгу, как пошла обратная реакция. Последняя маленькая станция перед Выборгом, а там большая Россия, но, может быть, и большая Сибирь, и некоторые молодые побежали обратно в Финляндию. Поезд стоял минут пять, и еще несколько семей, выбросив из вагона вещи, решили остаться. Состав приехал на станцию Выборг. Заканчивался 1944 год и начинался 1945. Конвойные солдаты и местные жители, которые были на вокзале, стали говорить, что незачем было приезжать вам, никакого вам Ленинграда не будет. Сменился конвой. Те, которые сопровождали по Финляндии, еще как-то разговаривали, а новые были грубы и молчаливы. Пошло распоряжение из вагонов никого не выпускать,

пока не приедем к месту назначения. Народ закричал, что довезите нас до Ленинграда, а там мы сами доберемся как-нибудь, ведь едем на Родину. В ответ услышали, что Родина там, где Макар телят пасет. Вот тут стало ясно, что правду говорили сопровождающие из Финляндии. Многие пожалели о своем легковерии, о том, что не покинули поезд еще на территории Финляндии. И вот Новый год, их везут мимо Ленинграда, мимо родных мест. К утру увидели речку Лугу, подумали, что ошибка, но вот проехали Псков и остановились в Невеле. Разгрузились и стали ждать дальнейших распоряжений. Айно совсем приуныла и Герте пришлось ее успокаивать и говорить, что все пройдет, кончится война, мужики вернутся. Ее муж был призван на службу. Правда, финнов брали только в стройбат: прокладывать железные дороги, строить мосты, или в похоронную команду. Целый день просидели на вокзале, все ждали, когда за ними приедут и куда повезут. Приехали два мужика в санях, зачитали фамилии: Лотто Айно Ивановна едет в город Нелидово, Калининской области. Погрузили вещи, сели в сани, и лошадка потянула их по лесным дорогам и деревням. Кругом снег, ночь, страх и боль души. Герте сказали, что утром будет много саней и всех перевезут в район Нелидово. Всю ночь ехали и шли за лошадью, пока, уже к утру, не добрались до районного города Нелидово. Там разгрузились и стали ждать. Часам к одиннадцати приехали другие подводы, снова погрузились. Два возчика, один инвалид без ноги, другой молодой парень, лет шестнадцати. Айне Ивановне сказали, что везут их в деревню Хмелевку, а инвалид оказался председателем колхоза, человеком вежливым и внимательным. Постоянно беспокоился, чтобы девочка не замерзла. Но та была замотана в старые пальто, и ей было действительно тепло. Приехали уже под вечер. Дом был заранее натоплен, но был недостроенным. В сенях окна заколочены досками, посредине стояла большая русская печь, но никаких перегородок в комнате. Деревенские, хоть и сами были нищие, приняли их хорошо. Натопили печь, отварили чугунок картошки в мундире, так как большего и сами не имели. Ночью спали на русской печке. Дверь в доме не запиралась, а подпиралась изнутри палкой. Айно устала за долгий изнурительный путь, все-таки пять дней ехали, не спали, и вот теперь в тепле заснула и проспала до самого утра. Пришел председатель посмотреть на переселенцев. Поговорил с женщиной и сообщил ей, что через пару часов приедет еще одна семья в соответствии со спис-

ком, который ему выдали, для размещения в деревне. Погоревал, что война все разрушила кругом. Хозяин этого-дома погиб на войне, а его жена, только перед войной поженились, ушла к своим родителям в другую деревню, так как не смогла жить здесь после получения похоронки. Айно сказала председателю, что имеет керосиновую лампу, но нет керосина, и председатель пообещал выделить из своего запаса. Пока разговаривали, на улице стало совсем светло. Пора кормить ребенка, и Айно начала чистить картошку, что вчера к их приезду, так заботливо сварила сестра жены председателя Клава Колобова, у которой тоже муж на фронте и уже четыре месяца как нет от него писем, и потому она все время плачет. Председатель ушел, предупредив, что еще зайдет, как только приедет еще одна семья. Айно покормила дочку картошкой и тем, что сумела привезти из Финляндии. А осталось совсем немного хлеба, сушек и баранок. Поскольку знали, что поедут в разруху, то скопили немного финских марок для покупки необходимых на первое время продуктов, да не успели потратить из-за быстрых сборов, так и привезли их с собой. Прошла вторая половина дня, Герты все не было, в доме становилось холодно. Пришлось затопить печь дровами, что нашла в сенях за дверью. Достала свои кастрюльки, чугунки, самовар, вывезенный еще из родного дома, заварила пшенную кашу и стала ждать подругу, успокаивая себя тем, что как приедут, так сразу в тепло и за стол. Председатель, сын крестьянский, много понимал в жизни и, зная, что дров в доме мало, еще с утра поручил Мишке Безродному привезти из леса дров. Этого Мишку на фронт не взяли, так как с детства был больным и заикался, а в колхозе летом пас коров, зимой работал на ферме. Под председательское распоряжение дров привез и себе, баньку топить. Уже затемно подъехали сани. На узлах сидели закутанные до глаз ватным одеялом дети, а сзади пешком шли Герта с сестрой Марией. Со слезами выбежала Айно встречать подругу. Герта сняла с саней сына Виктора и пошла в избу, а Айно подхватила девочку Элю. В доме, особенно с мороза, чувствовалось тепло. Подошли деревенские женщины поздороваться с новыми людьми, прихромал и председатель, хоть ходить по снегу с деревяшкой вместо ноги очень непросто, и из-за глубокого снега, скособочившись, стоял и смотрел на прибывших. Тут же подъехал Мишка Безродный с полными санями ольховых дров. Председатель указал, где разгрузить дрова. Рассмотрев приезжих и поговорив с ними

женщины, разошлись, ушел и председатель. Переселенки остались в доме одни. Это, конечно, не Финляндии, где хоть немного, но платили деньгами, а тут еще война не кончилась, разруха, народ страдает от голода и болезней, залатанная одежда, босые ноги. Пересмотрели и разделили на части запасы, привезенные с собой из Финляндии, и начали жить. Когда становилось голодно, меняли вещи на картошку в соседних деревнях. Чтобы привезти картошку, брали деревянные санки и тащили до дома. Народ был беден, измучен горем и вместе с тем застенчив, особенно в своей деревне, так как не могли дать того, что просили женщины за свои вещи. Тогда стали ходить пешком в городок Нелидово, возвращались усталые и измученные. Городок крохотный, а нищих больше чем в деревне, но кое-что удалось поменять на продукты. Особенно удачно обменяли на кусок сала шерстяной платок с красивыми черно-красными цветами. Одна нелидовская молодуха в домашнем полушубке присмотрела платок и дала за него кусок сала. Это помогло поддержать детей в самое голодное время. Потом ближе к весне Герта взяла свой самовар и решила с ним добраться до города Невеля. В городе когда-то жило много евреев, и он считался более зажиточным, чем Нелидово. Невель располагался на автомобильной трассе Псков—Витебск, через него проходила железная дорога. Вот там их ждала удача. Продали самовар за деньги и сразу же купили крупы, соли, топленого овечьего жира. Айне удалось продать плюшевую куртку-полупальто, тогда это было в моде, и эти деньги пошли на покупку чая, желтого кускового сахара. В общем, это была очень удачная поездка, которая позволила продержаться до весны. Побежали ручьи, закричали грачи, а вскоре и жаворонки запели на полях. Весна — новый стиль жизни всему живому. Время шло к маю, и председатель попросил женщин помочь со срочной переборкой картофеля в буртах. Зимой верхний слой картофеля подмерз. В свою очередь женщины попросили привезти им еще дров, и снова Мишка Безродный выполнил распоряжение председателя. Это была весна 1945 года. Кончалась война, но не знали Герта и Айно, какая их ждет судьба через три месяца: одной из них будет радость невероятная, а другой — муки и мытарства по чужим землям и районам.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Весной у дома посадили картошку и раскопали под огород участок. Деревенские женщины дали им семена моркови и свеклы. Дети бегали раздетыми к ручью, по лугам, гуляли с деревенскими детьми. И вот, в конце июля, по розыску, через общество Красного Креста, нашел свою семью Матикайнен Тойво Иванович. Он был на фронте, служил в стройбате, строил мосты-переправы, рыл окопы, ремонтировал дороги, так как финнов на передовую не пускали. Нашел Тойво свою семью в Нелидовском районе в деревне Хмелевка. Радость была превеликая. Сразу стали собираться домой, в свою деревню Никкорово. Их дом уцелел. Одну половину занимала семья русских переселенцев Нефедовых, другую половину вернули Тойво. И вот подружка уехала на родину, а Айно осталась в деревне Хмелевка, и многие мытарства еще выпало на ее долю. Была радость, когда к ней приехал родной отец из Финляндии, но вскоре умер и похоронен был в Нелидовском районе. Мария с дочерью Катри уехала в Эстонию, а сама Айно перебралась в город Нелидово, где устроилась на работу швеей-портнихой. В мастерской стояли три швейные машинки, и на них шили спецодежду, рабочие комбинезоны и брюки. К осени им разрешили выехать в Эстонию, в Тарту. Поселили в старом доме, когда-то принадлежавшем помещику. Жило в нем очень много семей. Спали кучей, на полу. Айно пошла работать на металлический завод помощником литейщика, формовщицей и обрубщицей металла. Вскоре умерла мать Мария Ивановна и была похоронена в городе Тарту. Сестру Катри Айно взяла к себе, и стали они жить вместе и работать на металлическом заводе. В скученной обстановке общежития, в антисанитарных условиях дети часто болели. В эту осень дочь Ирина пошла в первый класс.

Школа от места, где они жили, была далеко, в другом конце города. Город в то время стоял весь разбитый, в руинах, и далеко

Тойво Иванович Монтикайнен с женой Гертой Яковлевной (соседи в деревне Никкорово) (Тойво прожил 93 года и умер в 2001 году).

ходить маленькой слабенькой девочке было очень тяжело, тем более что училась во вторую смену. Уходила в школу уже затемно и приходила в темноте. Айно, когда могла, провожала и встречала девочку. Ученицей она была одаренной и очень усидчивой, аккуратно вела свои тетрадки, самостоятельно писала, решала примеры и задачки. Да и помогать-то было некому. Шло время, и мать стала получать какие-то гроши за работу. На эти деньги надо было питаться, одеваться да еще отдавать на заемы государства и платить налоги. Так перебивались осень и долгую зиму. По весне быстро потеплело, зазеленело, стало светло и легче, а вот уже и каникулы. Летом купались на речке. В детстве так счастливо летит время и дни жизни человеческой. Казалось, что лето окончилось внезапно. А в Эстонии в это время шли репрессии и раскулачивание. По примеру России создавались колхозы. Нежелающих вступать в колхозы эстонцев увозили в Сибирь, а всем финнам, прибывшим из Финляндии, вновь запрещалось проживать в Прибалтийских землях и Ленинградской области. Не успели прижиться в Эстонии, как

опять Айне Ивановне пришлось в слезах увольняться с работы и объяснять сестре Катри, что снова выселяют. Кого на Урал, кого в Сибирь. Пришел их начальник, эстонец, и стал уговаривать их не спешить с отъездом, обещая свое заступничество перед властями за хорошую работу. Тем более что, как он узнал из личного дела Айно, их уже помотало по белу свету. Но ничего у него не получилось. Пришли люди из особого отдела. Их не интересовало, кто и как работает. Все, кто по национальности финн, должны быстро собираться, уже поданны вагоны — и кого куда: Карелия, Архангельск, Воркута, Коми. Все едут добровольно, а мы, как власть, вам помогаем и предоставляем вагоны для переезда. И снова началась суета и сборы. Плачь маленьких, молитвы бабушек. Так, под лживым лозунгом самостоятельного переселения, власть выгоняла с родных земель в суровые климатические условия не угодные ей национальности. Работая в Эстонии, Айно, месте с сестрой Катри, сберегали каждую копеечку, да еще у них оставалось немного финских марок, которые они не успели потратить в Финляндии. В Эстонии народ работящий, жили по хуторам и держали по пять-шесть коров на своих землях. Но, как только отняли землю, поневоле скот надо было или продавать, или резать. Продавали за любые деньги, в том числе и за финские марки. Финны, воспитанные на сельском труде, стали покупать и увозить с собой купленную скотину. Заранее договорились о том, кто поедет в вагонах с купленными коровами, а кто посмотрит за детьми и скарбом. Большая масса народа и скота погрузилась в вагоны и шумно двинулась в путь, по железной дороге, в направлении Петрозаводска, в Карелию. Ехали долго, так как пропускали все составы, двигающиеся в обе стороны, уже кончились продукты у людей и корма для животных, когда на десятый день сентября месяца 1947 года часть вагонов остановилась в Петрозаводске на станции Старый Вокзал, а другие — на станции Гулюковка. Местные власти, увидев, какое количество народа и скота прибыло в северный деревянный город, где кругом только скалы, лес и Онежское озеро, пасти стадо негде и кормить нечем, приняли решение тех, кто успел разгрузиться, оставить, а остальных повезли дальше по северной дороге в сторону Мурманска. И понемногу сбрасывали на каждой станции и размещали, где можно было это сделать. Но переселенцам удалось сохранить скотину и даже умножить ее поголовье. Около пятисот семей остались в Петрозаводске, где было намного труднее, особенно с коровами.

Расселялись по возможности там, где можно было кормить скотину и косить траву. Так, дядя Ваня Пюлзе разместился в пяти километрах от города на развилке дорог Пряжая—Челна. Там же размещалась городская свалка. Построил себе маленький домик и жил и работал на свалке. Его братья с отцом разместились в деревянном доме ДЭУ-85. Работали на карьере, откуда брали щебень для строительства, и как сторожа охраняли асфальтобетонный завод. Они тоже держали скотину и даже имели государственную лошадь, на которой подвозили воду в бочке для приготовления бетона. Курги Юхо работал трактористом и построил свой домик в местечке Старая Вилга, держал коров и овец, так как у него было приволье с пастбищем. Кяхери Семен работал в ДЭУ-85 электриком, построил себе дом на окраине Петрозаводска. Большие трудности испытали те, кто жил в самом городе. Роттце Саша, Торонен Мария, Хемеляйнен, многодетный финн, — все они жили по улице Служгорской, и пасти коров можно было только вдоль железной дороги на малых площадках. В самом сложном положении оказались Айно Ивановна и сестры Херонен, Герта и Люба. Их разместили в центре Петрозаводска на улице Радищева в доме 3. Рядом были заводы: Хлебозавод, Пивной завод, Металлический завод. На Металлический завод их взяли на работу как специалистов — формовщиками и литейщиками. Дали им в двухэтажном доме комнату 14 квадратных метров на шесть человек. Дом был только что построен из деревянного бруса. Строили его пленные немцы, которых держали в лагерных сараях на Куковке. Они работали в Каменном Бору, где рубили гранит, щебень и под конвоем строили дома. Дом был очень холодный, со стен свисала пакля, и сквозь щели в стенах просвечивалась улица. В морозы в доме замерзала вода, стены были заиндевевшие. А на улице бедным женщинам нужно было построить сарайчик из горбыля для двух коров, вывезенных из Эстонии. Горе навалилось на женские руки и головы. Негде было купить сена, да и денег не хватало. Ездили по району, по деревням, искать сена, а сарай им построили такой маленький, что одну корову заводили в сарай передом, потом разворачивали ее обратно и привязывали, а уж после этого заводили вторую корову, но уже не разворачивали и, когда животные ложились, то между ними не было места пройти и ступить человеку ногой.

С приходом весны мученья не закончились. Весна в Карелии поздняя, зазеленело все к началу июня. Стали водить коров пас-

тись в Петушки, вокруг Каменного Бора, вдоль железной дороги, на Судостроительный завод, к клубному бараку, где только была возможность найти траву для животных. В июле женщины вновь бросились искать сена на зиму по деревням и селам на деньги, сэкономленные от скудных заработков на Металлическом заводе. Мамы ищут корма для буренок, а детишки маленькие, восьмилетние, на веревках водят коров с места на место целыми днями. Быстро пробежали три летних месяца. Матери на работу, дети в школу, а коровы в сарай, на долгие осень и зиму. Прошло два года такой жизни, и, не выдержав сверхъестественных нагрузок, женщины сдали своих коров в подсобное хозяйство совхоза имени Зайцева, фактически за гроши. Работать на заводе, да еще хозяйничать, поить, кормить, доить коров оказалось не под силу одиноким женщинам.

Очень переживала дочка Айно Ивановны, так как любила свою Зорьку. Однажды захотела маме помочь и пошла сама доить корову. Но ручки были слабенькие, коровенка стояла, стояла, видно прислушиваясь, как девочка доит, и от ласки ребенка улеглась опять спать, а Иришка в слезы из-за неудачи с дойкой.

Шли годы, девочка училась прилежно. Соседям Херронен предоставили отдельную комнату в этом же доме, а Айно с дочкой и тетей Катри остались на прежнем месте. Работали на Металлическом заводе и все время надеялись, что хоть кто-то из родни остался жив. Может, папа Эйно, может, его брат Тойво Андреевич Лотто сельский учитель, а может, тетя Айно Андреевна. Наступил 1954 год, год объявления начала амнистии по делам репрессированных и невинно высланных из родных мест. И вот первое событие. Из Казахстана, проездом в город Печору, поскольку разрешение на проживание дали только туда, заехала к ним тетя Айно Андреевна.

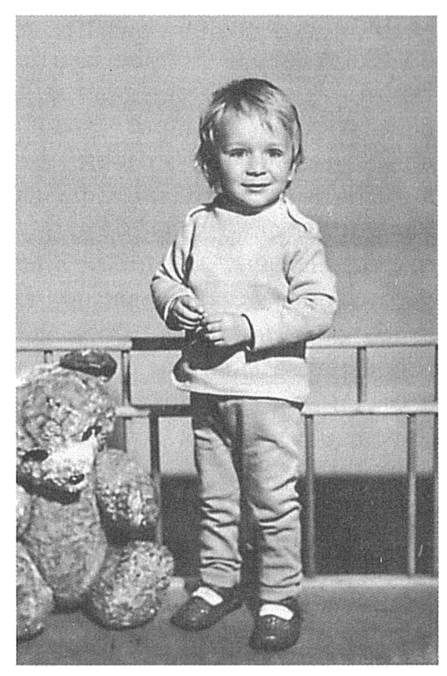
Ирина поступила в строительный техникум на архитектурное отделение, который закончила в 1961 году. А за это время в 1959 году, в Печоре, полностью реабилитировали за неимением преступлений тетю Айно Андреевну Лотто с предоставлением жилплощади. Ей дали комнату в Ленинграде, 9 квадратных метров, по улице Смирнова. Реабилитировали посмертно ее брата Эйно Андреевича Лотто. Наконец и его жене, Айно Ивановне, разрешили выехать в Ленинградскую область, на свою родину и родину мужа. Дали участок земли в деревне Торики по улице Песочной. Две женщины решили построить себе маленький домик стандартного типа,

Сын Ирины Эйновны Лотто (Михневич) Виктор, правнук Андрея Абрамовича Лотто.

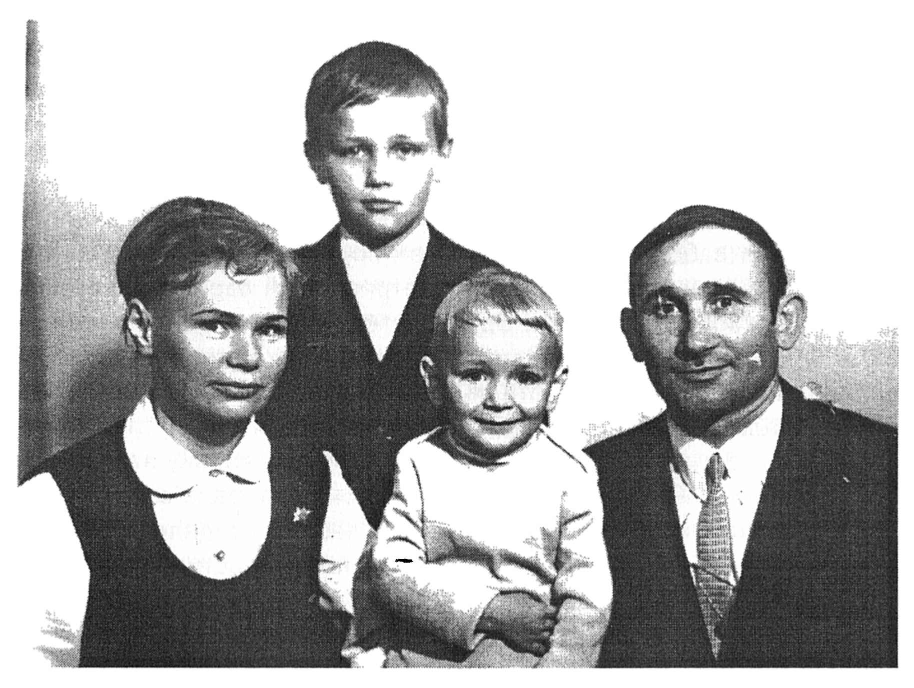
однокомнатный с маленькой верандой. Айно Андреевна и Айно Ивановна начинали все сначала, как когда-то их семьи начинали жизнь в этих местах. Наняли у цыгана повозку, сами возили доски-горбыли, кирпич для печки, шлак из котельной, цемент. Песок брали у себя в огороде, просеивали песок и шлак, мешали раствор и заливали фундамент. Как могли, так и делали, с утра до ночи строили домик, ходили на работу в метрополитен, где работали уборщицами по двенадцать часов, наводя чистоту в больших залах и вестибюлях станции метро «Балтийская». Заняли у одного старичка двести рублей и достроили домик, в котором можно было жить и спать. Вскоре приехала дочь Ира с мужем и новорожденным сыном Виктором. Прописалась семья в мамин и тетин дом и стала обзаводиться хозяйством. Козы, чтобы было молочко маленькому, куры, потом и хрюшку завели и вырастили, но сами не ели, а продали, так как нужны были деньги для расчета за домик. Малыш Витя рос красивым мальчиком. Муж Ирины поступил работать во ВНИИтрансмаш рабочим, а когда Вите исполнилось полтора года, Ира пошла работать в тот же институт в конструкторское бюро — чертежницей. Работа у взрослых была сменная, и маленького подолгу оставляли одного в доме. Он плакал, смотрел в окошко и все ждал, когда кто-нибудь придет. Когда подрос, то мастерил себе игрушки, разбрасывал и снова собирал кубики и железную дорогу. Любил свою куклу-талисман, которую ему прислала подруга его мамы Эльви Матикайнен. Кукла была немецкая, очень элегантная, мальчик, которую Витя назвал Эдиком. А спустя девять лет мама родила братика, которого назвали Эдик. Шли годы, Витя пошел в школу в первый класс, был послушным, дисциплинированным ребенком. Тетя

Айно его очень любила и дарила на день рождения игрушки и немного денег, которые он копил на велосипед и, в конце концов, купил. Ира продвинулась по службе и стала инженером, ее муж, Мечеслав, работал в вычислительном центре на комплексе обеспечения климатических условий для работы вычислительной техники. Домик покрасили, огород привели в порядок, посадили кусты смородины и крыжовника, яблони, груши, сливы, много цветов, вырыли пруд для полива, запустили туда рыбу, а берег обсадили вишнями. И когда весной они зацветали, то было очень красиво. Весь школьный класс Виктора, по окончании школы, пришел фотографироваться на этом пруду. Любовь к работе на земле и трудолюбие шли еще от предков Лотто, да и Мечеслав работал, не покладая рук. Сделал заборы, погреба и сараи под содержание кур и коз, завел пчел и возвел им теплый проветриваемый сарайчик, называемый мшанник для зимовки. Время летело быстро, семья увеличивалась. Родился еще сын Эдик, приехала тетя Катри из Петрозаводска, и в этом однокомнатном домике уже проживало шесть человек, стало тесновато. Ирина с мужем решили взять отдельный участок и строить себе и сыновьям свой дом, поскольку этот домик принадлежал бабушкам Лотто. Новая стройка забрала очень много молодой силы и энергии. Участок под застройку дали в низине, болотистый и очень сырой, заросший осокой и тростником, ольхой и березами. Не было возможности подъехать с техникой. Пришлось вырубать кустарник, из него настелать лежневую дорогу и рыть тридцатиметровые канавы с обеих сторон, а земля пошла на подъем низких участков и дороги. В итоге, по квадрату было вырыто 240 метров канав и осушено место под дом. Денег на строительство не

Сын Ирины Эйновны Лотто (Михневич) Эдик, правнук Андрея Абрамовича Лотто.

хватало, и пришлось подумать, как и из чего строить. Было куплено три лесовоза с прицепами горбыля, кубов по восемь каждый, а так как к месту новой постройки невозможно было подъехать, то разгрузили их у старого дома, и уже потом на себе, по три-пять досок перетащили на расстояние немалое, около 400 метров. Вырыли котлован под подвал и фундамент, засыпали песком немного—не мало, а три самосвала «Татра» ушло. Купили 120 кубов подтоварного леса, бревна, у которых в вершине отреза диаметр меньше 120 мм, поскольку он дешевле полноразмерных бревен. Залили бетоном фундамент, поставили собранный из подтоварника сруб, обшили горбылем, а снаружи обложили поставленным на ребро силикатным камнем. Получился неплохой дом 8х12, плюс веранда 4х4. Переехали в новый дом, и бабушке Айно Ивановне стало скучно одной в старом. Захотела жить с молодыми, а ее дом оставался пустым, без жильцов. Пожила один год, но чего-то не понравилось ей жить в большой семье. К тому времени родился сын, Эдик, и Ира не работала. Айно Ивановна ездила на работу в город, в мор-

Ирина (Ирья) Эйновна Лотто (Михневич) с мужем и детьми Виктором и Эдуардом.

Ирина (Ирья) Эйновна Лотто (Михневич) с мужем, сыновьями Виктором, Эдуардом и родными

ской госпиталь к Витебскому вокзалу, где работала няней. Там нашла покупателя на свой домик, и еще некоторое время жили все вместе. Но потом решила купить себе половину дома в Можайске. И пришлось переделывать этот дом под двух хозяев. Перегородить дом, построить два крыльца для отдельного входа каждому хозяину, пристроить большую веранду, перегородить огород и установить каждому по калитке и т.д., в общем, сделать все, что связано с раздельным домовладением. Работать пришлось от зари до зари, и через три месяца Айно Ивановна уехала жить в новый дом.

Айно Андреевна жила на улице Смирнова. Там на прогулках познакомилась со старичком дядей Васей, тот уже давно жил без жены, эстонки по национальности. Ему приглянулась Айно, и они поженились. Обменяли свои две комнаты на однокомнатную квартиру в панельном доме по улице Народного Ополчения. Жили хорошо, дружно и радостно. Всегда праздновали дни рождения, Рождество и Новый год. Айно Андреевна умела хорошо стряпать и печь пироги с разной начинкой, ароматные и вкусные. Через шесть лет совместной жизни дядя Вася заболел и умер, а Айно Андреев-

на осталась жить одна в квартире. Она стала приглашать к себе знакомых бабушек, финок, с которыми судачили о жизненных новостях и просто угощали друг друга. Потом появились общество «Ингери-лито» и общественная организация «Мемориал», которые подтверждали документами, кто, где и когда подвергся репрессиям и насилию и на какие льготы может рассчитывать. Эти общества стали устраивать на Иванов день встречу финнов-ингерманландцев, там, где стояла церковь под Дудергофом и располагались более десятка финских деревень. На праздник приезжают отовсюду и пытаются разыскать тех, кого когда-то разбросала жизнь. Нынешние власти не препятствуют, а наоборот всячески помогают организовать такие праздники. Так вот, Айно Андреевна часто посещала восстановленную финскую церковь и обществом «Ингери-лито» была приглашена жить в Финляндию. Благотворительное общество милосердия обязалось старых, обездоленных, больных и одиноких взять на содержание в Финляндии. Айно Андреевна раздумывала. Но все ее близкие и знакомые подруги уходили год от года и вскоре умерли самые родные: Матвей Тойко, Айно Матвеевна Тиснека, Герта Яковлевна Матикайнен. К тому же ее сноха Айно Ивановна с дочерью и зятем уехали жить в Белоруссию. К тому времени Ира и ее муж Мечеслав уже были на пенсии. Правда, рядом оставались ее племянники Виктор и Эдик, которых она очень любила, и при встрече с ними всегда вспоминала своего брата Эйно, расстрелянного в Левашовской пустоши. Наставляла их быть честными и трудолюбивыми, стараться учиться и учить финский язык, ведь они наполовину финны, поскольку родила их родная ее племянница Ира, дочь брата Эйно.

Виктор закончил пожарно-техническое училище, затем очно — в Москве высшую пожарную школу и адъюнктуру. В Ленинградском университете у профессора Зинченко работал над диссертацией, но изменившееся семейное положение привело к тому, что пришлось уволиться с государственной службы в звании майора. В настоящее время он организовал предприятие по обеспечению противопожарным оборудованием организаций и производств. Младший, Эдик, проучился два курса в пожарном училище и по состоянию здоровья уволился. Учится в Северо-Западном политехническом институте и помогает брату, работая в офисе.

Подумав, Айно Андреевна решила выехать в город Сейна-Екки, куда ее направляло финское общество милосердия. Но поскольку

она сама за собой еще могла ухаживать, ей выделили однокомнатную квартиру, а общество обеспечивало ее необходимыми продуктами питания. В доме были созданы великолепные условия для проживания, телефон, предоставлены медицинское обслуживание, питание, одежда.

ЛОТТО АЙНО АНДРЕЕВНА

Но хочется вернуться к истории семьи Лотто, а именно: о судьбе Айно Андреевны в годы репрессий и ссылки. Как уже раньше упоминалось, старший брат, Тойво Андреевич, был учителем и знатоком ведения крестьянского хозяйства. На семейном огороде выращивал помидоры, огурцы, экспериментировал с различными сортами малины, черной и красной смородины. Для селекции вешал бирки на кустах и наблюдал развитие растений и их урожайность. Из кустов сирени разных сортов и цвета и кустов калины была высажена к дому аллея, а перед домом большой яблоневый сад, который сохранился и по сей день. Сохранились старый дом и каменно-бутовая конюшня, где можно было поставить до 50 лошадей. Место, где стоял дом у деревни Никкорово в то время, имело стратегическое значение. Не было никаких застроек, и равнина начиналась от станции Горелово и тянулась в сторону Капорья на девять километров. Это были луга и пастбища для летних военных лагерей. Сейчас там размещается военный аэродром. По воспоминаниям дочери от первого брака Лотто Андрея Абрамовича, Анны, дом был настолько хорош, что в нем останавливался Маннергейм с женой, когда участвовал в летних маневрах со своим подразделением. Она сама была младшей дочерью, с волосами цвета спелой ржаной соломы и очень нравилась жене, а может любовнице, Маннергейма, который квартировался у них в доме. В доме стояла физгармоника, и все четыре дочери были обучены играть по нотам. Женщине очень нравилась молодая девушка умеющая играть на музыкальном инструменте, поскольку она сама тоже умела играть и часто по вечерам пела романсы. Она заимствовала у девушки ноты и новые произведения. Причем вспомнился этот факт истории совершенно неожиданно, когда из Швеции приехал навестить родственников в 1962 году Минна Петр Иванович. В его памя-

ти настолько отпечатались мытарства и голод того периода войны, переселение в Эстонию и дальше, что он привез с собою мясные продукты и сахар, полагая, что здесь ничего этого нет. И уж конечно, они не могли учесть, везя свои окорока и колбасы, что был август месяц. Молодая картошка, компоты из клубники и крыжовника, пироги с яблоками, сыр, колбаса, ветчина, масло, водка — все было выставлено на стол в изобилии. Чего Петр Иванович Минна не ожидал, так того, что не успел он раскрыть свои чемоданы, как столы были накрыты на высшем уровне финской крестьянской семьи. После радости первой встречи пошли воспоминания и, когда сели пить чай, на стол поставили из посуды, то, что удалось сберечь за время скитаний по чужим землям. Старшая сестра Минна, незамужняя старая дева 1904 года рождения, увидев чашку с блюдцем, заметила, что эта чашка семьи Маннергейм: «Во время летних военных учений его жена и моя мама, Мария, впоследствии погибшая во время пожара в одном из домов Петербурга, куда она носила молоко, играли на физгармонике. Окна летом были открыты в сад на сиреневую аллею, и они пили чай из таких чашек, а в нашем доме посуда была попроще».

Айно Андреевна Лотто. 1931 г.

Айно Андреевна заметила, что всегда боялась за эту посуду, чтобы свекор или муж не ругал. Вот после этого разговора она и рассказала о своей жизни.

Много горя она пережила за эти годы. Мучений, унижений и страданий. 1 июля 1938 года забрали ее прямо из института. До этого уже шли аресты, то один исчезнет, то другого не досчитаются. По всей стране были переполнены лагеря и тюрьмы. Вызвали Айно прямо с занятий в преподавательскую и, составив протокол с данными о семье и месте проживания, повезли на Арсенальную, дом 9, и поместили в одиночную камеру. Сразу объявили обвине-

Айно Андреевна Лотто. 1938 г. (перед арестом).

ние в том, что она кулацкая дочь, не желает коллективизации и агитирует в институте против колхозов, не поет интернациональных песен, не участвует в новой жизни института, замкнута и о чем-то замышляет. Задавая вопросы, следователь иначе ее не называл, как кулацкая дочь. Семь месяцев в одиночке и чего только с ней не делали. По пятьдесят раз в день на допрос, и особенно в ночное и утреннее время. Подсадили какую-то лесбиянку, но Айно чуть голову не открутила подсадной бабе, больше никого не подсылали. Правда, ее посадили в карцер, где можно было только стоять, а затем обратно в камеру. Через семь месяцев одиночки приговорили к восьми годам лагерей, но потом отменили, так как не нашлось свидетелей ее подрывной деятельности. Новый приговор: пять лет карагандинских лагерей. И отправили в Казахстан. В 1943 году, для тех, у кого закончился срок, поступило распоряжение задержать освобождение до конца войны, причем поименно были перечислены все, кого это касалось. Кончилась война, и опять до особого распоряжения задержать освобождение. И вот только в сентябре 1946 года вроде освободили, но вывезли еще дальше в Казахстан без документов и разместили в 400 километрах от железной дороги в Ворошиловском районе. Заключенные зимой рыли оросительные каналы и котлованы, возводили дамбы и все вручную на морозе и ветре. Летом оживали, за счет выращиваемых самими же заключенными овощей, а зимой доходили до дистрофии и многие умирали. Айна не могла ходить, так как простудила почки, опухли ноги. Тогда ее бросили умирать к дистрофикам. Там она работала санитаркой по уходу за больными. Комендант для борьбы с инфекцией выдавал керосин, и только это и спасало. Керосином полоскали рот, чтобы не заболеть дизентерией. Часто посылали с караваном верблюдов за необходимыми для обеспече-

ния лагеря припасами под конвоем. В пути, в пустыне, караван застигала пурга. Задувало с песком и снегом, и утром, когда рассветало, неизвестно было куда идти. По ночам жгли смоляные факелы и пускали ракеты, а навстречу выходили искать караван. Но пурга и ураган делали свое дело и сурово наказывали людей и животных. Однажды такой ураган застал караван в пути. Остановились переждать ночь, а утром стали всех обходить, поправлять грузы. Сопровождающими были в большинстве девушки и женщины из финок и эстонок. И вот видят стоит проводница верблюда Хилда, держит поводья по пояс засыпанная. Подошли, раскидали снег и песок, верблюд живой, а Хилда, окаменевшая, царство ей небесное, так и не выпустила поводья. Подошла встречающая группа, поправили грузы, а тело Хилды привязали к верблюду, которого она удержала так и привезли в лагерь. Ближе к лету отправили Айно на работу в колхоз Тарт-Куль. Работали два месяца, возили зерно на быках на главный элеватор. Основная масса финнов работала на уборке, а ее и еще женщину Герту направили на ферму выхаживать телят. Там уже на работу их водил не конвой, а местный казах, который там же и работал. И вот одному из начальников в Караганде понадобились два человека для работы в кочегарке. По договоренности с лагерным начальством двух женщин одели в большие тулупы, положили на дно автомобиля и, засыпав зерном, вывезли из лагерной зоны в Караганду в тайне от лагерной охраны. Работа была очень тяжелая, чистить котлы, возить тачкой уголь и так без конца, день за днем. Каждую неделю надо было явиться в комендатуру и лично показаться начальству, что это именно они. Жили за котлом, в уголке, рядом с туалетом, отделенным перегородкой, обмазанной штукатуркой. И все равно, находясь в таких ужасных условиях, женщины старались поддерживать уют и порядок в своей каморке. По весне сажали цветы перед котельной и свое помещение украшали цветами.

Наступил 1948 год, и Айне Андреевне выдали паспорт, но жить разрешили только в Карелии. Приехала в Петрозаводск и нашла там дядю Матвея и его дочь, свою двоюродную сестру Айно Матвеевну. В Петрозаводске работала курьером в городской больнице, а через год, 1 сентября 1949 года, ее снова арестовали как бывшую заключенную карагандинских лагерей. Поместили в местную тюрьму для политзаключенных. Сидела шесть месяцев, после чего особый отдел постановил отправить ее в вечную ссылку в Сибирь, в

Внуки и правнуки Андрея Абрамовича Лотто и дочь — Айно Андреевна (вторая справа).

Красноярский край. Вниз по Енисею везли до Караума, где она начала работать на консервном заводе. Не успела еще обжиться на новом месте, как опять сорвали и снова вниз по Енисею, до Игарки. А когда в 1959 году полностью реабилитировали и разрешили вернуться в родные места, то пришлось еще много мучений перенести, жить по частным квартирам, пока наконец не предоставили комнату. Ездила в свою родную деревню Никкорово, смотрела на свои дома, кусты сирени, где провела молодость и встречалась со своим мужем Иваном Варвасом. Когда ее арестовали в 1938 году, Иван испугался. В их доме жила женщина, работавшая прислугой, так он потихонечку, забрав ее, ушел из дома, где-то поселился и начал жить с ней. В тридцать девятом началась война с Финляндией, и он, не разводясь с женой, сумел официально зарегистрироваться с этой женщиной, ушел в армию музыкантом на флот и у него родилось две дочери. Уже много после, когда Айно Андреевна жила в своей комнате, одна из ее знакомых сообщила, что Варвас живет в Ленинграде, жена его умерла и за ним ухаживает одна из дочерей, а другая живет в Киеве. И вот, в день рождения, когда в гостях у

Айно Андреевны были ее подруги и родственники, Ирина с мужем Мечеславом, Айно Ивановна, сноха Юхо Минна, Иван Матикайнен, Тойво с Гертой, Сулло Петрович Сунни, вдруг появился Иван Варвас, в черном костюме, с цветами. За то время, когда поздравляли именинницу, Иван плакал детскими слезами, смотрел как влюбленный мальчик. Айно Андреевна ко всем гостям относилась внимательно, и к нему ее отношение было таким же. Спрашивала, что тебе можно кушать, что будешь пить. Он всю жизнь боялся встретиться с кем-либо из родных, особенно боялся семьи Лотто. Как оправдать свой поступок, когда убежал, спрятался под морской бушлат и дальше в теплые края, в Севастополь, играть на трубе и забыть все. Но память не обманешь, и вот его не забыли, а приняли ласково и без обиды. А он, Иван Варвас, все держал в руке платок, и почему-то обильно текли по щекам слезы, видно, очень сильное впечатление произвела на него эта дружная семья, через долгие, ужасные годы сохранившая добро в сердце и участие к людям.

После взаимных расспросов и рассказов стали петь старинные финские песни, про дом родной, про леса и озера. В числе гостей была финка Лиля, которая очень хорошо играла на аккордеоне и пела песни на финском языке и русские: «Катюша», «Землянка», «Подмосковные вечера» и много других. Во время войны она была в агитбригаде и пела песни солдатам в тылу по госпиталям и на передовой, прямо в окопах. Веселье лилось рекой, и Иван Варвас, как музыкант и капельмейстер, даже дирижировал самодеятельным хором. В этот вечер судьба соединила год 1938 с годом 1990-м. Интернациональный хор воспринимал песни финские и русские как украшение того времени и праздничного вечера.

И вот как сложились судьбы этих престарелых людей, присутствовавших на этом торжестве у Айно Андреевны Лотто. Айно Андреевна уехала в Финляндию на неделю. На обратном пути ее встретили Юхо Минна и Мечеслав Антонович, зять Иры. Привезла сувениры из Финляндии, что дали, что сама сумела купить. Но вот судьба злодейка: заболел и умер Юхо Минна, заболел Варвас Иван, ослеп и ничего не видел. Аккордионистка Лиля тоже умерла от инфаркта. За два года — с 1992 по 1994 умерли близкие друзья, которым было под восемьдесят лет. И совсем удивительно, что Ивану Варвасу довелось своими глазами увидеть жену, а спустя некоторое время он потерял зрение от сахарного диабета, а может быть, от какого-то волнения, переживания души, угнетения совес-

Айно Андреевна Лотто с внучатым племянником Виктором. 1998 г. Финляндия.

Айно Андреевна Лотто. Финляндия.

ти, хотя сама Айно Андреевна ни в чем не упрекнула его и ничего не спросила.

Когда ее арестовали в 1938 году, в доме остались дорогие личные украшения, ведь она была не из бедной семьи. Золотые серьги, золотые часы с браслетом, броши, кольца, перстни, что было куплено для девушки родителями к ее замужеству. Ведь им хотелось видеть дочь как можно наряднее. Это все и забрала служанка, сбежавшая с Иваном Варвасом. При встрече с Иваном через столько лет они спокойно пили кофе, вспоминали молодость, своих друзей и товарищей. О прошедшей жизни не вспоминали, и только изредка капала слеза из глаз Ивана, а Айно Андреевна еще раньше выплакала свои слезы в ссылках Казахстана и Сибири по тюрьмам и изоляторам. Человек поразительной души, Айно Андреевна каждому хотела помочь, с каждым хотела поделиться тем, что имела. Любила свою племянницу Ирину, и когда та приболела в 1977 году и в семье стало тяжело со средствами, отдала отрезы материи, которые привезла из Швеции, чтобы хоть как-нибудь поддержать семью. Не описать всей глубины ее понимания людей, как она умела успокоить всех. «Значит, так богу надо, не расстраивайтесь, что есть, все к лучшему», — говорила она в тяжелые периоды жизни своим родным и знакомым. Проходило время, и действительно все успокаивалось, и жизнь текла своим чередом. Богом человеку задано любить жизнь, любить окружающих людей, мир, природу. Надо благодарить Бога за каждый прожитый день, не желать зла другим. Доброта идет к человеку со всей вселенной, и вселенная дает человеку долголетие и здоровье. Айно Андреевна, имея много родни, не забывала никого и всеми гордилась. Вот племянник Александр Матвеевич Тойко, профессор Ленинградского университета, с малых лет воспитываемый родителями с добротой и любовью к труду, к науке. Вот три дочери Сулло Сунни — имеют высшее образование. Дочери Вили Минна имеют высшее образование и проживают в разных городах Финляндии. Племянница Марьяна Матвеевна живет в Америке, закончила консерваторию и работает преподавателем. Не перечесть всех родственников и добрых знакомых, но их человеческая суть в благожелательном отношении к себе и людям.

ЭПИЛОГ

Наконец немного о семье Ирины, рассказанное ее мужем Мечеславом Антоновичем.

«В 1990 году я вышел на пенсию и решил ухать в Западную Белоруссию, на свою родину. Поделился своей задумкой с Айно Андреевной, и она, благословив, предложила осмотреться и подумать, твоя родина и тебе решать, где жить, тем более на пенсии. Поехал туда и купил дом у белорусского писателя Владимира Батрумеева. Дом был не достроен. Не было заборов, только сарай покрыт крышей, шесть соток земли, погреб, электричество не подведено, двери на петли не навешены, без телефона, без воды, без газа. Пришлось в таких условиях начать жить одному. Начал с пристройки к дому, под кочегарку для установки отопления. Покрыл шифером крышу сарая в тридцать метров, подвел электричество, вырыл в нем погреб, настелил потолки и оборудовал баню. С другой стороны сарая пристроил помещение для кур и свиней. Отдельно, рядом, вырыл второй погреб, зацементировал, поставил сверху сруб и накрыл крышу. Установил все двойные рамы, застеклил, протянул железом коньки крыши. Увеличил участок на десять соток с юридическим оформлением. Поставил двухстворчатые ворота, чтобы могла проехать любая машина с прицепом. Ежегодно держал двух поросят. С одного улья пчел за три года развел пятнадцать, и в сезон, с женой Ирой, накачивали меда до пяти молочных бидонов. Много работы сделал по дому. Застеклил веранду, утеплил потолки, на окна поставил подоконники, доделал и побелил фундамент. И когда приехала Айно Андреевна с моей тещей, Айно Ивановной, посмотреть новое хозяйство, она смогла оценить и увидеть все, что сделано Жить в Западной Белоруссии обеим финкам понравилось, особенно лес, озера с лебедями, две реки,

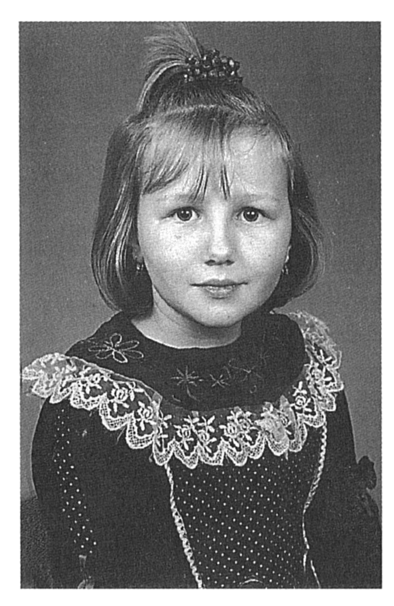
Старший внук Андрея Абрамовича Лотто — Пекко Иванович с женой.

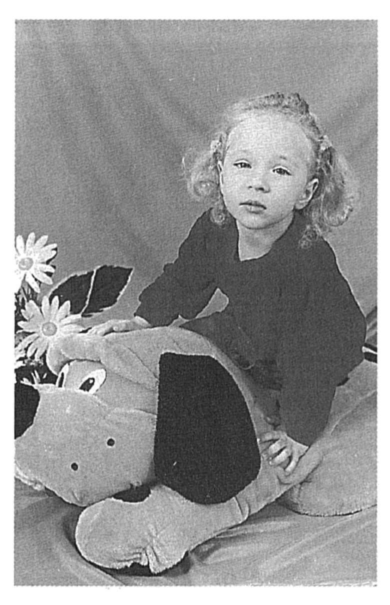
Внуки Андрея Абрамовича Лотто и правнучка Рутти.

Праправнук Андрея Абрамовича Лотто – Андрей. 1983 г.

Праправнучка Андрея Абрамовича Лотто – Мария (7 лет).

Праправнучка Андрея Абрамовича Лотто – Даня (Диана). 2001 г.

Правнучка Андрея Абрамовича Лотто – Ирмар и ее муж (Живут в Швеции).

Щара и Иеся. В лесу уйма ягод, земляники и черники. Эти места принадлежали когда-то Литве, а потом Польше. Здесь имели земли знаменитые польские помещики: князь Сапега, князь Пусловский, князь Слизень. По городу Слониму проходит выкопанный вручную в прежние времена канал Эгинского. Здесь же был построен замок польского воеводы Тадеуша Костюшко. Я повозил своих финок посмотреть на сгоревшие дворцы польских князей в различных местах. Они интересовались и спрашивали о причине разрушения дворцов. Известно, что в Белоруссии во время войны было партизанское движение, но дворцы сожгли не тогда, когда немцы оккупировали территорию, а уже в последние дни, когда они отступали. Немцы хорошо понимали, что дворцы являются хорошей мишенью для артиллерии, и поэтому покинули их загодя. А народ в своем стремлении к свободе сам поджигал и громил эти дворцы под лозунгом «долой шляхту». И по всей Белоруссии жгли усадьбы и дворцы польской знати. Но места по-прежнему остались красивыми, сама природа и климат, дубовые, липовые, ореховые рощи — все радует глаз. Две недели жили женщины в гостях и видели мой ежедневный труд по хозяйству и в огороде. Постоянно напоминали, чтобы не работал так много и пожалел себя. И как в воду глядели. Принялся рыть еще один подвал и как видно надорвался, попал с инфарктом в больницу. Пролежал полтора месяца, потом опять заболел. В последнее время стал замечать, что жена поскучнела и ничего ее не радовало, так захотелось ей вернуться обратно, в пригород Петербурга. Мать ее, Айно Ивановна, стала быстро слепнуть от болезни, сахарного диабета, полежала в больнице и заявила, что хочет вернуться в родные места. А ведь уже обжились в Белоруссии за это время. Пятнадцать ульев пчел, две тонны картошки, полторы тонны ячменя, тридцать пять штук кур и цыплят, два поросенка. Как все увезти? Пришлось старшему сыну Виктору заказывать большую машину, фургон. Загрузили, что смогли, набралась полная машина. Показалось, что годы, прожитые в Белоруссии, пролетели мгновенно. Была уже поздняя осень и надвигалась зима. За это время старший сын приобрел себе квартиру в Горелово, рядом с родительским домом. А младшему его тетя, Айно Андреевна, после отъезда в Финляндию, оставила свою квартиру».

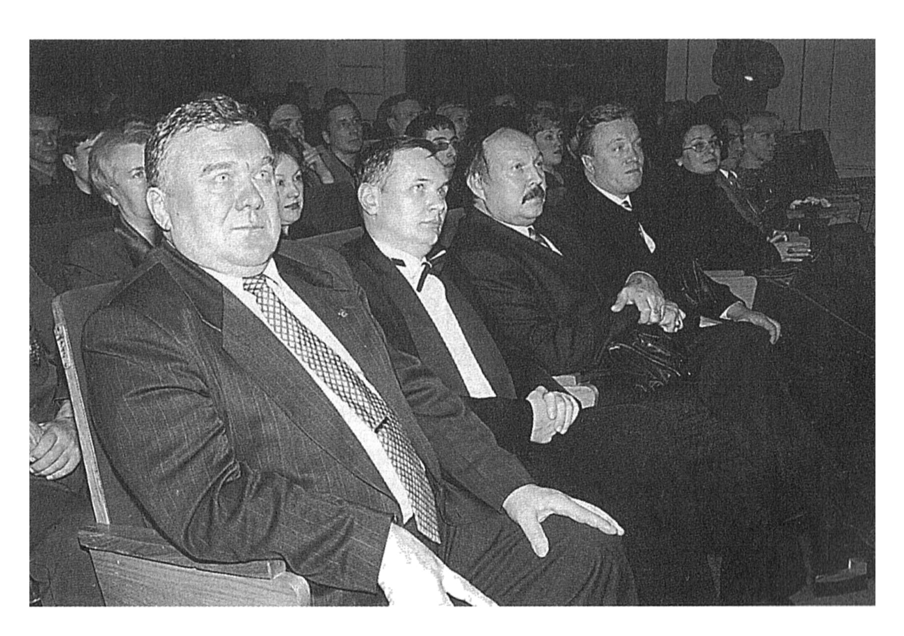
Вот и вся история семьи финновингерманландцев Лотто. И, наверно, молитвами великой женщины Айны Андреевны Лотто, ее

добротой и участием сохранены семейные устои и родственная связь между поколениями. Уже проживая в Финляндии, она все равно молила Бога, чтобы в России стало жить лучше, желала мира родной земле и справедливости, хоть сама перенесла столько горя и унижения от своих соотечественников.

Есть на свете неподвластная сила, которая определяет саму жизнь человека во вселенной.

Внучка Андрея Абрамовича Лотто Ирья Эйновна (по мужу Михневич) с сыновьями Виктором, Эдуардом и с родными.

Правнук Андрея Абрамовича Лотто Виктор на организованном им конкурсе «Лучшая песня о пожарных» 2001 года.

Прохождение конфирмации в кирке города Пушкин.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Не только семья Лотто подверглась репрессиям и перенесла все страдания сталинских репрессий, ужасы войны и послевоенных гонений. Вот история родственной нам семьи финнов-ингерманландцев, записанная со слов Арви Буланова в 1991 году.

"Я жил в Токсово с 1930 года и хорошо помню финскую речь в пригородных поездах, отправляющихся с Финляндского вокзала. Особенно это бросалось в глаза, если ехать во второй половине дня: хозяйки, продав молоко, сметану, яйца и купив в магазинах какой-нибудь снеди (колбасу, хлеб, булку, сыр) и гостинцев для своих детей, возвращались к себе домой — в Токсово, Кузьмолово, Лаврики, Парголово, Пери, а если с Балтийского вокзала, то в Мартышкино, Стрельну, Володарское. Да, в те годы, пожалуй, не было такого финского двора, в котором не было коров, коз, свиней, кур. Картофель, мясо да и молоко в больших количествах, везли на рынок мужчины на лошадях.

Мне как-то ныне покойный Пухилас Иван (Юхо), который жил в эти годы в деревне Койвукуля (35 км от Ленинграда), рассказывал, как они летом возили молоко в Ленинград.

Ночью (в 2 часа) молоко из погребов грузили на телеги, покрывали соломой (чтобы не грелось), выезжали и примерно в 7—8 часов были на рынке.

Ну теперь чуть-чуть истории.

Как известно, финны, исконные жители акватории реки Невы. Когда Петр I в XVII веке появился в устье реки Невы и начал «рубить окно в Европу», он встретил местных жителей — рыбаков, охотников — это были финны (чухны). Преследования финнов до Октябрьского переворота, надо считать, не было.

Великое княжество Финляндское существовало с Российской империей вполне мирно.

Лев Успенский, известный писатель и общественный деятель в своей книге «Записки старого петербужца» рассказывает, например, об извозчиках финнах, их называли вейко (брат, земляк). Они приезжали из деревень в Петербург на заработки. В этой же книге Л. Успенский вспоминал: «Выборгская сторона тех времен (начало XX века) была чуть ли не наполовину заселена финнами: три четверти питерских финнов жили тут».

Но вот наступил 1917, отгремела гражданская война, и власти начали наводить в стране новый порядок.

Начались репрессии: против дворян, против эсеров, кадетов, против интеллегенции и против национальных меньшинств. Конкретно — против финнов. Я условно разбиваю это на 3 этапа.

1 этап

Коллективизация сельского хозяйства. Создание колхозов и коммун — в 1930-е годы.

Финны испокон веков занимались сельским хозяйством — земледелием, скотоводством и т. д. Молчаливый, трудолюбивый народ финны обзавелись коровами, лошадьми, овцами — пахали, сеяли, убирали сено и хлеб.

И как следствие — хозяйства были зажиточные, в хлеву, как правило, не одна корова и не одна лошадь, а гораздо больше. Амбары были полны зерна, сараи — сена. А это значит — кулак. Началось раскулачивание финских дворов с последующей высылкой всей семьи (родителей, детей, внуков) в жаркие (Средняя Азия) и в холодные (Север и Восток России) края нашей страны. Например, брат матери, Тойво Тиснека, жил с семьей в дер. Мартышкино Ораниенбаумского района. Играл на органе в местной церкви. Да, он имел два дома, один из которых сдавал внаем. Но он же был скормилец большой семьи — мать, жена и трое сыновей. Он вместе с семьей был выслан в Узбекистан. Мать с отцом довольно быстро умерли (непривычный климат и питание), сыновья куда-то пропали, кроме среднего — Иоуко, который умер недавно в Ростовской области.

Сколько всего было раскулачено и вывезено финнов — неизвестно, сколько их умерло на чужбине — один Бог знает. Но это были тысячи и тысячи невинно погубленных жизней.

2 этап

1937—1939 годы. Мне было 12—13 лет, жил я с мамой в Токсово. Однажды утром в окрестных деревнях были арестованы и уве-

зены все мужчины. Это была ликвидирована так называемая «Террористская, антисоветская банда». Никто из них не вернулся.

Видимо, подобная акция была не только в районе Токсово. Сколько было людей увезено и куда — неизвестно.

В это же время началось тотальное уничтожение всего финского. В Токсово была закрыта финская школа, а также финская церковь (в церкви открыли «Дом культуры»). В Ленинграде закрылась областная финская газета «Вапаус» (Свобода), Финский национальный театр. Люди боялись общаться на родном языке.

3 этап

Это уникальное по своим масштабам выселение финнов в марте 1942 года. Начиная со второй половины марта месяца 1942 года только из Токсово были отправлены несколько эшелонов со спецпереселенцами на восток.

В этот этап попал и я — Арви Осипович Буланов, 1926 года рождения. Да, это было давно, и многое выпало из памяти, но основное не забудется, тем более, что с участниками этого переселения я много беседовал, мы вспоминали то, что вместе пережили.

Бывшие участники этого переселения живут сейчас и в Токсово, в других поселках и городах Ленинградской области, а также по всему Советскому Союзу.

Мы жили в Токсове с 1931 года. Старший брат Иорма с 1939 года служил в армии. Я учился, мама преподавала в школе. Моя мама, Анна Буланова (урожденная Тиснека), родилась в 1891 г. в дер. Мартышкино Ораниенбаумского района. Умерла в 1976 году и похоронена в Токсово. Мой отец Осип Буланов родился в 1891 году в Мартышкино и умер в 1932 году после тяжелой болезни. Похоронен также в Токсово.

Началась война. Школу закрыли, мама стала работать в эвакопункте. Меня посылали на оборонные работы — возводили противотанковые рвы.

Пришла зима и с нею голод. Мы с мамой получали по 125 граммов хлеба в день. Выжили благодаря тому, что у нас, хоть и немного, но была своя картошка.

24 марта 1942 года маме сказали, что нам надо собраться в течении 24 часов для выезда за пределы Ленинграда. Люди в форме (наверное, сотрудники НКВД) ходили по домам и давали такие указания. С собой можно было взять столько багажа, сколько мо-

жешь унести на себе. Об этом было оповещено все финское население Токсово и окрестностей.

Мы с мамой взяли (сколько я помню) два чемодана и два каких-то мешка. Все, что было нажито моими родителями до этого дня, практически оказалось брошенным на произвол судьбы. И как показало время — все это пропало. А это был дом, в доме мебель, посуда, белье — все, что было нажито честным трудом. Кто должен компенсировать эту потерю?

25 марта мы погрузились в вагоны пригородного поезда, и нас на второй день привезли на берег Ладожского озера (ст. Кокорево — если мне не изменяет память).

Насколько мне известно еще по крайней мере два дня — 26, 27 марта от станции Токсово отправлялись поезда со спецпереселенцами-финнами. Например, финны, которые из Токсово отравились 27 марта, оказались в Красноярском крае — на лесозаготовках.

Зима 1941—42 годов была исключительно холодной, поэтому лед на Ладожском озере даже в конце марта был еще прочным. Нас на грузовых машинах перевезли через озеро, и мы оказались в Кабоне. Здесь нас погрузили в товарные вагоны, в которых были сооружены двухэтажные нары. Посередине вагона стояла железная печка, которая нас обогревала и частично кормила — на ней мы грели воду.

Наш состав состоял, по моему наблюдению, из 30—40 вагонов, нас охраняли вооруженные солдаты, во главе с комендантом эшелона. Они располагались в середине состава в пассажирских вагонах.

В эшелоне люди встречали своих знакомых, родственников, а еще больше теряли их. На всех станциях, где бы мы ни останавливались, из вагонов выносили умерших в пути.

Мама встретила свою сестру из Мартышкино и вскоре ее же и потеряла. Она умерла (тетя Херта) и, не помню на какой станции была вынесена из вагона. Ее дочь, Ирья Ямалайнен, с нами доехала до места назначения. По окончании войны она вышла замуж и сейчас живет с семьей в г. Усолье-Сибирское Иркутской области.

Поездка в этом эшелоне была ужасная, без содрогания ее вспоминать невозможно. Все вагоны снаружи были заперты, но при остановках вне станции охрана открывала вагоны и по команде стар и мал высыпали наружу. После этого все лезли под вагоны, а

если вблизи были кусты (только вблизи), то за кусты — это был наш туалет.

Остановки на станциях приносили нам кое-какую радость: можно было добыть кипятку, у местных жителей чего-то купить и выменять съедобное. На станциях нас еще и кормили — после блокады все казалось вкусным.

Местные жители на этих станциях смотрели на нас как на диковинку и спрашивали: «А вы давно вывезены из Финляндии?». Что-то ответить на это было невозможно, а если и отвечали, то аборигены ничего не понимали. Вот примерно так мы и ехали — под охраной, с командами: «на выход» и «по вагонам», что-то около месяца. Проехали практически больше половины страны, и 24 апреля 1942 года прибыли на станцию Зима Иркутской области.

Если взять расстояние от Ленинграда до Зимы примерно 5000 километров и время — месяц, то получится, что в сутки мы проезжали где-то 150—180 километров

В городе Зима нас разместили в каких-то бараках, но в бане с вошебойкой нас помыли. Тут нас продолжали кормить, пересчитывать регулярно, проверять, не удрал ли кто. Но мы, достаточно истощенные, кормились еще и у местных жителей, выменивая оставшиеся вещи на молоко, яйца и прочие продукты. Конечно, худо-бедно, но здесь мы немного подкрепились, очухались и окрепли. Моя мама, например, вылечилась от желудочных болей сырыми яйцами.

Местные жители смотрели на нас с удивлением, они считали, что в Сибирь привезли «белофиннов».

Время шло, и, наконец, 6 июня 1942 года нас повезли дальше (мы то думали, что дальше некуда, но ошиблись). Погрузив опять в поезд, довезли до реки Ангары, местечко Макарьево.

Только гораздо позже я понял, почему нас так долго мурыжили. Конечная цель наша была определена — это устье реки Лена (74-я параллель). Река еще только освобождалась ото льда.

На баржах нас (я имею в виду большую группу финнов — несколько сотен женщин, стариков и детей) довезли до местечка Заярск.

Из Заярска на грузовых открытых машинах 100—120 км проехали до Осетрово — это уже берег великой сибирской реки Лена. Здесь, наконец, нас, почти как людей, погрузили на пассажирский речной пароход (с ходовыми колесами по бокам) «Москва», и 21 июня, прибыли в Якутск.

Но на этом наше путешествие, оказывается, еще не кончилось. Здесь надо учесть, что из нас никто не знал конечной цели нашего странствия. Промыкавшись в Якутске 10 дней (тут мы уже жили просто на берегу реки, спали на своих тряпках — слава богу, в эти дни не было ни одного дождя), погрузились на баржи и отчалили. Примерно через неделю, 8 июля 1942 года нас привезли на постоянное местожительство — на пустынный остров в дельте реки Лена, в 100 км от моря Лаптевых. Остров назывался (назван он был охотниками, которые в зимнее время ловили на нем песцов) Константиновск. До зимы (как потом выяснилось) оставалось два с половиной месяца.

Немного погодя следующий караван барж высадил здесь еще партию переселенцев — литовцев. Это тоже были старики, женщины, дети. Оказывается, всех нас привезли на этот совершенно безлюдный остров для строительства нового рыбозавода, который получил название — Трофимовский рыбозавод Якутского рыбтреста (протока реки Лена называлась Трофимовской). В это же время подобные «десанты» были высажены в протоках Тит-Ары, Арганастах, и тоже для строительства рыбозаводов.

Будущее показало, что строительство этого рыбозавода — сплошная авантюра. Через год добыча рыбы резко пошла на убыль, а через 2—3 года, кроме убытка, завод ничего не приносил. Но это все выяснилось позднее.

В первую очередь были раскинуты палатки, а потом началось строительство как самого завода (дощатый барак), так и жилья для жителей.

Я весь июль ловил рыбу сплавными сетями. Что это такое, попробую описать.

Двое в лодке, сеть длиной 150 м и высотой примерно 3—4 м. Сеть сбрасывается поперек реки — с глубины в сторону песчаного берега.

Сеть несет течение, лодку также. Надо, таким образом, проплыть метров 600—800, затем сеть один из рыбаков выбирает в лодку, второй на веслах держит эту лодку в определенном положении. Выбирая сеть, надо успевать вытаскивать попавшую в нее рыбу.

И вот так раз 5—6 в течение дня. Труд не из легких — гребля против течения (после каждого сплава надо возвращаться к исходному рубежу), сбрасывание и вытаскивание сети при сильных ветрах, большой волне и холоде.

В самый разгар лета телогрейка, ватные брюки и резиновые сапоги не были лишними.

В начале августа я заболел сыпным тифом, больше месяца пролежал в больнице (в том числе неделю без памяти). Но Бог меня помиловал, я выздоровел (ко многим он не был милостив, в это время от сыпного тифа умерли десятки, если не сотни людей). Моя мама примерно в это же время тоже заболела сыпным тифом и, к счастью, осталась жива.

Через 2 месяца — в начале октября — я продолжил рыбалку, но это были последние недели открытой воды. Уже в конце октября река в районе Трофимовка встала и началась долгая зима.

У меня сохранилась вырезка из газеты «Социалистическая Якутия» от 26.02.43 г., где о начале строительства рыбозавода было напечатано:

«...сюда двумя караванами были доставлены специалисты, строители, рыбаки, рабочие и служащие будущего завода» и дальше ... «В результате упорной работы за три месяца на пустынном месте было выстроено 38 объектов, из них 2 кирпичных». В этой же газете от 7.11.44 г. мы прочитали о начале строительства в Трофимовске: «Это было в 1942 году, на заводе закипела жизнь. Ночь стала похожа на день, а дни похожи один на другой. Русские, якуты, казахи, буряты здесь заняты одним — ловят рыбу. Много рыбы — жирной нельмы, мясистого омуля, благородного осетра, шустрой серебристой кондевки».

Все вроде бы правильно: и русские были, и якуты были, но основная масса как рыбаков, так и строителей — это финны и литовцы.

Зима не заставила себя ждать, вместе с зимой пришли новые заботы, новые беды. Что такое зима на Севере? На этот вопрос, по-моему, ответить, рассказать невозможно. Это надо пережить. В поселке были, в основном, бараки, дощатые с утеплением из мха. Был уникальный дом—кирпичный барак. Кирпичное строение, где вместо раствора, что связывает кирпичи между собой, был мох. Да, да — мох! Как это чудо архитектуры выстояло не одну зиму — не знаю. Но выстояло — хвала строителям!

Бараки были разделены на комнаты дощатыми перегородками. В каждой комнате стояла железная печь, вырубленная из железной бочки. Пока печка топилась, температура была +10-15 градусов к утру опускалась до нуля и ниже. С потолка круглые сутки капала вода, висели сосульки. Спали на двух этажных нарах, наваливая на ночь на себя что только было из «тряпок». Вот так жили зимой

рыбаки, строители — дети, старики. Зима там длилась с конца октября до конца мая — 7 месяцев. На Севере была такая поговорка: «У нас 12 месяцев в году зима, а остальное время, лето, лето и лето».

В первый год в поселке жителей было примерно 1500—1800 человек. В первую же зиму умерла от сыпного тифа, от тяжелых условий жизни и от голода пятая часть населения.

Тиф и холод — это понятно, но почему голод? По карточкам давали, по-моему, достаточное количество продуктов: например, по рабочим карточкам 800 граммов хлеба в день, а также крупу, колбасу консервированную, сушеную картошку, рыбу можно было купить.

Но на заводе, в поселке работа была только для физически здоровых людей. Не было работы для немощных, больных стариков, женщин, а значит, не было и денег. Не на что было выкупить продукты на карточки. Отсюда — массовый голод и большая смертность. Вспоминаю, на каких работах я был летом — это рыбалка, ну а зимой чего только не делали, чем только не занимались.

Для строительства поселка были привезены, вернее сплавлены, плоты бревен. До ледостава их не успели поднять на берег, и эти плоты сказались в ледовом плену. Это было в первую зиму. Бригада (как сейчас помню, бригадир был Рандио), в составе примерно 10 мужчин, пешнями и топорами вычерпывали бревна изо льда, а затем по приготовленной ледовой дорожке на себе вывозили их на берег. Работа была не из легких — берег был довольно крутой. Дальше — летом после весеннего половодья — на берегу оставался так называемый плавник. Это бревна, хворост, вешки, ломаные доски. Все это мы собирали в поленицы, отмечали высокими шестами (чтобы зимой найти).

Зимой впрягались в сани (точно как бурлаки на Волге) и везли в поселок за пять-десять километров. Надо еще учесть, что зимой круглые сутки темно, и только к середине дня бывают сумерки — это два-три часа.

Перечислять работы, которые мы делали, особенно зимой, займет слишком много времени. Расскажу про подледный лов рыбы.

В районе поселка зимой рыба практически не ловилась, рыбаки с последней водой отправлялись ближе к морю.

И вот мы приехали к морю, построили землянки и начали лов. Ставные сети надо поставить поперек течения — это значит поперек

реки. Толщина льда доходит до 2 м. Прорубается лунка и не просто лунка, а отлогая лунка, в которую загоняется шест длиной примерно 5 м. Через каждый 5 м опять лунки, чтобы с помощью багра протаскивать надо льдом этот шест. К шесту привязывается канатик, ну а когда канат протащен между крайними лунками, к нему привязывается сеть, которая и ставится с помощью каната. Каждый день эта сеть проверяется, рыба вынимается и тут же на льду сдается приемщику рыбы.

Все хорошо, все ясно и понятно. Но надо знать, что все это происходит на льду при морозе −40 — −45 градусов, и самое страшное при сильном ветре. А ведь сети можно перебирать только голыми суками (рукавицы при соприкосновении с водой сразу же превращаются в ледяшки).

Теперь о том, как жилище готовили к зиме. Когда наступали первые морозы (это конец октября), брали деревянные ящики или бочки, заполняли их смесью снега с водой и деревянными лопатками обмазывали дома. Получался ледяной панцырь, который неплохо защищал дома зимой от ветра. Надо учесть, что оттепелей на Севере не бывает, солнце начинает как бы «греть» не раньше мая, — это сооружение сохранялось всю зиму.

Ну теперь о пурге — это самое страшное, непредсказуемое явление природы на Севере. Налетает внезапно, без всякого предупреждения и без всяких внешних предпурговых явлений. Говорили что были такие охотники, которые умели предсказывать пургу, может быть и так.

Ветер (30—40 м/сек) поднимает снег вместе с песком (с берега реки), бьет очень больно по лицу, забивает глаза, нос, уши. Выходить в пургу, даже в поселке, было крайне опасно. Пурга — это коварное явление, человек моментально теряет ориентиры, его тянет по ветру, и стоит чуть-чуть сбиться, и ты пропал. В лучшем случае твой труп найдут весной в нескольких метрах от поселка, а чаще всего человек проподает — его объедают песцы и волки или весеннее половодье уносит в океан.

Ведь не зря ездовые собаки, как только начинается пурга, ложатся, их заносит снег, который как-то спасает их от ветра и холода, потом они периодически встряхивают этот снег, чтобы их не занесло совсем.

Охотники рассказывали, что если их застанет в тундре пурга, они забираются в спальные мешки и ждут приличной погоды. Но ведь пурга может продолжаться и сутки, и двое суток, и неделю, а

Охотники рассказывали, что если их застанет в тундре пурга, они забираются в спальные мешки и ждут приличной погоды. Но ведь пурга может продолжаться и сутки, и двое суток, и неделю, а бывало и две недели без перерыва. Каждую зиму в поселке пропадало несколько человек. Вышел утром на работу и все. Конечно, если хоть немного дорожили бы жизнью человека, то на зиму обвели бы поселок забором в одну веревку — и проблема была бы решена.

Я за 4 года несколько раз был в критическом состоянии во время пурги, но что-то меня в последний момент спасало.

Вот примерно в таких условиях жили, трудились, погибали коренные жители Европы. Сколько финнов, литовцев, евреев похоронено в поселке Трофимовск, да и вообще на севере, в вечной мерзлоте, — никто не знает, но, я думаю, что тысячи.

В поселке была спецкомендатура, комендант. Паспортов у нас не было. Но и колючей проволоки не было, и тюрьмы как таковой не было. Но взрослые люди, конечно, понимали всю свою неполноценность, свою зависимость.

В 1992 году будет 50-летие «великого» переселения финского народа. К этой годовщине следовало бы обнародовать всю трагедию этого переселения. Невредно было бы всем узнать, сколько финнов переселили в Красноярский край, в Якутскую АССР и другие районы Сибири и Севера.

Я слышал, что литовцы приезжали на остров, где был поселок Трофимовск, и установили там памятный знак. Правда это или нет — не знаю. Думаю, что следовало бы и финнам объявить сбор средств на установление памятника погибшим в годы войны в Сибири.

Было бы справедливо со стороны Российского государства признать факт спецпереселения финнов и компенсировать его оставшимся в живых как материально, так и морально. Люди получили письма из Латвии — там, мол, латыши репрессированные в годы войны, получили денежные компенсации. Неплохой пример для подражания. Я не слышал, чтобы российская пресса, официальные лица как-то высказывались об этой массовой акции, но историю надо помнить».

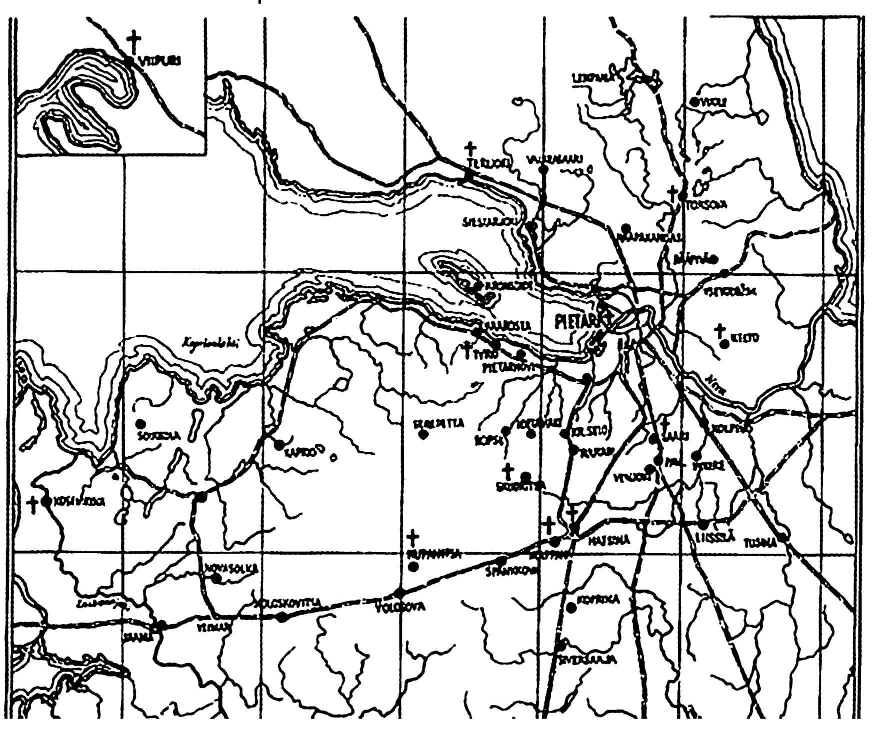
ИЗ ИСТОРИИ ИНГРИИ
(Краткая историческая справка)

В ходе Северной войны (1700—1721) у Швеции была отвоевана земля, называемая Ингерманландией или просто Ингрией. Петр I, стремясь к выходу в Балтийское море, понимал, насколько ему необходимо укрепиться на этой территории. Он заложил здесь новую столицу государства Российского Санкт-Петербург (16 мая 1703 года), губернатором ее назначил своего любимца и ближайшего сподвижника Александра Меншикова, пожаловав ему титул Великого князя Ингерманландского (ранее, еще с 1581 года, титулом этим, как и землей, владели шведские короли).

18 декабря 1708 года царь издает указ о новом территориальном делении России, где среди прочих восьми Губерний особо выделяет Ингерманландскую. Образуется специальная Ингерманландская Канцелярия. Формируется Ингерманландский драгунский полк.

Как видим, Ингрия играет важную роль в жизни государства.

Что же это за страна?

Она занимала довольно обширную территорию между рекой Наровой и северо-западным побережьем Ладожского озера, но не смогла стать самостоятельным государством, так как постоянно, начиная с XII века, являлась объектом притязаний скандинавских и славянских властителей. Частые войны ослабляли край, опустошая поля, разоряя селения.

Здесь издавна обитали финноязычные племена — чудь, весь, карелы, водь и ижора. В IX веке сюда пришли славяне. А со второй половины XVI — начала XVII века, с включением территории в состав Швеции, в эти края стали переселяться финны. Король шведский почти все земли Ингерманландии роздал феодалам и чиновникам, которые рабочую силу привлекали из Финляндии. Прибывали сюда и переселенцы, в основном из восточных губерний Финляндии. Они также получали землю.

Православная и римско-католическая церкви пытались пустить здесь свои корни. Но эти вероисповедания не пользовались популярностью у местного населения, так как и церковно-славянский, и латинский языки были ему непонятны. А привилась в Ингрии лютеранская вера, которая была распространена у шведов. Уже в конце XVI века, точнее в 1590 году, был основан первый лютеранский приход — Копорский. В 1641 году Ингерманландская Церковь утверждена отдельной епархией. Резиденцией епископа определен город Нарва.

На первый взгляд, жизнь ингерманландцев в дореволюционной России протекала спокойно и без притеснений со стороны властей: проводятся общеингерманландские праздники песни, выходят в свет 6 газет и 8 журналов на финском языке... Однако известен факт принудительного переселния 300 ингерманландских семей на Кольский полуостров для его освоения. Но это событие ничто, по сравнению с испытаниями, которые предстояли этому народу в годы советской власти.

В первое десятилетие после Октября финнам, казалось бы, мало что угрожало. 2 февраля 1920 года в Тарту был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонской Демократической Республикой. В нем особо оговаривалась культурная автономия ингерманландцев на землях их исконного проживания — в Петроградской области. Открываются финские сельскохозяйственный и кооперативный техникумы, педагогическое училище, кооперативное издательство “Кирья”, в Петроградском университете и институте имени Герцена — финскоязычные факультеты и отделения. Работает

около 300 национальных школ. Финны могли слушать свое радиовещание, читать свою прессу.

Но с конца 20-х годов, окрепнув, тоталитарное государство приступило к подавлению любых проявлений индивидуальности, в том числе и национальной. Стали закрываться национальные школы, училища, техникумы, были упразднены интернациональный факультет в Ленинградском университете и кафедра финского языка в институте имени Герцена. Начался страшный период коллективизации и борьбы с "кулачеством". Ингерманландцы (их было не более 140 тысяч человек) в основном занимались сельским хозяйством. С 1928 по 1935 год в Среднюю Азию, Сибирь и на Кольский полуостров выселили 60 тысяч человек. Правда, позже многим удалось вернуться домой. Но 20 тысяч погибли на чужой земле.

Весной 1935 года вышел циркуляр Главного управления милиции НКВД СССР "Об очистке двадцатидвух-километровой пограничной полосы от кулацкого и антисоветского элемента". В результате перестал существовать Куйвозевский финский национальный район — в двадцать четыре часа выслали более 22 тысяч человек.

В 1936 году в Вологодскую область переселяют около 10 тысяч ингерманландцев все под тем же предлогом укрепления границы.

Началась Великая Отечественная воина. 21 августа 1941 года появляются приказ "О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц" и постановление "Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинграда". 9 марта 1942 года издается постановление "О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента". Конечно же, таким "социально опасным элементом" являлись и финны. Всего за два дня (26—27 марта) из Ленинграда и Ленинградской области было выселено 96 тысяч человек (в том числе и ингерманландские финны). Не легче была доля и у тех ингерманландцев, которые оказались в Эстонии на оккупированной немцами территории. Сюда немцы вывезли 17 531 человека. Многие из них умерли. Жестокой была участь и оставшихся дома. Известно, что в Красном Селе в апреле 1942 года погибло 700 ингерманландцев. Трудно сказать, сколько их захоронено в интернациональной могиле под Стрельной.

Являясь союзником Германии, Финляндия потребовала депортировать ингерманландцев на свою территорию. В 1943 году было вывезено туда около 70 тысяч человек. Всем им была предоставле-

на работа. Со временем у многих появился свой скот, свое имущество. Но, несмотря на довольно-таки благополучную жизнь, многие — около 60 тысяч — по окончании войны изъявили желание вернуться в Советский Союз. Советское правительство обещало им дать возможность поселиться на исконных землях. Но это был обман. На границе их погрузили в специальные вагоны и отправили в Тюменскую и другие области Западной Сибири.

С этого времени в паспортах ингерманландцев появляется пресловутая 38-я статья, ограничивающая их права.

По последним данным, за период с 1928 по 1946 год в местах высылки, спецпоселений, в немецких и советских лагерях погиб или был расстрелян каждый второй ингерманландец (60 тысяч человек).

Но и после победы над фашистской Германией жизнь этого народа не стала спокойнее. Так, в 1947 году на основании постановления Совета Министров СССР от 7 мая и приказа МВД СССР от 21 мая за пределы Ленинградской области в течение двадцати четырех часов были высланы все ингерманландские финны, вернувшиеся домой после войны.

Многие финны осели в Эстонии. Но в 1948 году им "предложили" покинуть пределы республики и выбрать места поселения в Сибири, Вологодской, Ярославской и других областях России.

Ленинградским финнам до 1954—1956 годов запрещалось возвращаться в город и область, 38-я статья была с них снята лишь во времена хрущевской оттепели. Наконец-то ингерманландцам разрешили жить там, где они пожелают. Но, увы, не все смогли вернуться в свои дома, так как либо в них жили другие люди, либо они были уничтожены войной.

В настоящее время основная масса ингерманландских финнов проживает в Ленинградской области, Эстонии и Карелии.

В результате геноцида ингерманландцы утратили свою Родину, почти утратили свой язык (на нем говорят лишь 30% людей этой национальности), в результате ассимиляции почти растворились среди других народов нашей страны. Сегодня все, что произошло с Ингрией, осознается как величайшая национальная трагедия. Но этот трудолюбивый и талантливый народ, давший отечеству своих актеров, писателей, поэтов, художников, ученых, внесший ощутимый вклад в мировую культуру (вспомним хотя бы карело-финский эпос "Калевала", куда включено большое число рун ингерманландских сказителей) — не должен исчезнуть!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мечеслав Антонович Михневич
СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО

ООО «Безопасность-2»
ЛП № 00184 от 01 июня 1999 г.
Редактор Н. В. Виноградова
Корректор Н. П. Михайлова

Подписано в печать 16.04.2002. Формат 60x90$^1/_{16}$. Печать офсетная.
Объем 6,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ 43.

Отпечатано в ГИПП «Искусство России»
198099 Санкт-Петербург, ул. Промышленная д. 38. к. 2.